

ЗЛАТА КОСОЛАПОВА

КОРОЛЪ
И
СЛУЖАНКА

песнь её сердца
растопила лёд его души

Злата Косолапова

Король и служанка

«Автор»

2026

Косолапова З.

Король и служанка / З. Косолапова — «Автор», 2026

В жизни несчастной служанки Агаты нет ничего, кроме унижений, наказаний и любви к пению. И хотя королевство, в котором живёт Агата, славится невероятными талантами в вокальном искусстве, сама девушка совсем не умеет петь. Встреча Агаты с прекрасным королём Ренери, искусным ценителем музыки и вокала, обещает ей и другим пленницам только страшную смерть. Трагедию останавливает лишь то, что Агата умеет сердцем петь, а король Ренери мечтает сердцем слушать...

© Косолапова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Злата Косолапова

Король и служанка

Глава

В куда более давние дни, на рубеже неизведанных веков, между двумя королевствами далекой Энтелии разразилась страшная война. Эта бессмысленная и кровопролитная бойня началась в одночасье, когда король Сиэльк, надменный и недалёкий, обладающий некоторой харизмой, но донельзя тщеславный, решил положить конец вассальной зависимости своих владений от могущественного покровителя.

Ослепленный своими мечтами, а также напештываниями и советами своей сестры, чьей ловкой руке с юных лет были подвластны многие опасные авантюры, Сиэльк, трепеща и зло-радствуя, поставил перед собой колоссальную цель – основать новую империю.

И хоть мощь его королевства сильно проигрывала северному государству, которому он бросил такой дерзкий и отчаянно глупый вызов, короля Сиэлька это не остановило. Он призвал на помощь своих разномастных союзников, большей частью которых являлись лишь дикари и племена кочевников, и обещал им дивные и щедрые дары за поддержку в боевых действиях. Так король Атернии, распираемый от гордости и губительной уверенности в своих силах, начал никчемную, но по-настоящему страшную войну, лишая тем самым мирный народ двух королевств тихой и счастливой жизни на долгие шесть лет.

На момент начала повествования моей истории эти два воюющих королевства – западная Атерния и северный Нортон – уже переступили ту грань войны, когда двум сторонам конфликта и их союзникам стало понятно, кто выйдет из кровопролитного противостояния бесспорным победителем.

И пусть в эти дни северное государство всё увереннее приближалось к победе, ощутимые потери не оставили и его. Помимо бесчисленных жертв, потерянных в этой бесполезной резне, Нортон потерял своего возлюбленного короля, бесстрашно отдавшего собственную жизнь за свой народ.

Таким образом, в столь трагичные для многих жителей Нортонa дни на престол взошёл единственный сын почившего монарха, его законный наследник и достойное продолжение – принц Ренери, молодой и прекрасный, поистине талантливый и не по годам мудрый. Несмотря на глухое горе и чёрную скорбь, Ренери сделал всё, чтобы Нортон вышел из войны победителем. Это делало и будет делать его вечным героем в глазах его народа.

Упомянув первую часть важных деталей, мне необходимо добавить ещё кое-что о самих королевствах. Невзирая на обоюдную ненависть врагов, находящихся по разные стороны баррикад, эти два королевства – западную Атернию и северный Нортон – объединяло кое-что значимое для них двоих.

Западные земли, королевство Атерния, многие века славились своим искусством пения. Женщины и мужчины Атернии были виртуозами в искусстве вокала всех мастей и покоряли сердца своими голосами и умением петь, их эпосы вдохновляли мужчин и женщин на славные подвиги, а баллады – на пылкую любовь.

Северное же государство Энтелии, великий Нортон, славился другой чертой, а именно самыми дивными ценителями музыки и вокала. И никто никогда не знал более искусных и более талантливых музыкальных критиков, чем они.

Многие века Атерния и Нортон дополняли друг друга своими умениями, уважая и вдохновляя друг друга, цenia и любя свои особые таланты. Однако весь культурный опыт и отно-

шения двух государств, так тесно связавших свою жизнь с музыкой, были утрачены с началом нынешней войны, что также стало трагедией для многих жителей двух королевств.

И всё же, как бы многогранна и глубока ни была история жизни Атернии и Нортон, прежде всего моё повествование посвящено двум отдельным героям, непосредственным участникам событий, описанных выше.

Одним из этих двух героев является нынешний король Нортон Ренери. Критик, обладающий сердцем утонченным и особо требовательным ко всему прекрасному, а более всего – к пению.

Вторым героем является Агата. Молодая девушка, живущая в стенах замка лорда Осткарда и работающая у него в саду. Несчастливая сирота, нищенка и бесправная служанка леди Осткард, много лет живущая в Атернии, но при этом совсем не умеющая петь, хотя пение для нее – единственная отрада.

И пусть в дальнейшем мною будут описаны многие события и многие герои, так или иначе участвующие в повествовании, однако, прежде всего моя история посвящена непосредственно этим двум героям – королю Ренери и девушке, которая не умеет петь, Агате.

Пусть с этих двоих моя история начнётся, пусть ими же она и закончится.

Пролог

Катакомбы с низкими потолками и засаленными стенами были душными. Здесь было сыро, так сыро, что каждый раз, попадая сюда, Изабелла почти задыхалась, ей с трудом приходилось сдерживать кашель. И эта вонь – удушающий смрад крови, отходов, плесени – никогда не выветривалась, навсегда въевшись в стены. Было почти невыносимо здесь находиться. Но Айзакс не любил всех этих проявлений немощи, и она всеми силами старалась держать себя в руках и не выдавать свою непомерную муку.

Крики измученных подопытных за ржавыми решетками древних камер, если честно, почти смешили Беллу. Но они с Сиэльком всегда были такими – их смешили чужие страдания. Потому что они сами не умели страдать, они умели бороться, выть, драться, мучительно умирать, но страдать – никогда.

— Молодой лорд Осткард станет твоим мужем, Белла, — сказал Айзакс. Голос его почти шелестел в этих темных коридорах. — Ты станешь леди Осткард.

— Я знаю, — с почти нескрываемым отвращением ответила Изабелла. — И принимаю это.

— Ты станешь связующим звеном. Земли Осткарда станут, по сути, подчинены тебе, так как лорд будет почти безволен и духовно слеп. Его дочь будет проливать кровь в садах его замка, работая с цветами – именно так заклинание будет работать. Береги её – Агата нужна. У неё есть то, что я не смог забрать у её матери – третий дар, который мне так нужен. Но я могу приоткрывать покровы будущих событий и знаю, что она как-то получит этот дар.

— Ненавижу эту рыжую дрянь, — поёжилась Изабелла. — Почему я вообще должна ухаживать за ней?

— Ты не будешь, — прорычал Айзакс. — До двенадцати лет девчонка будет жить у старухи Россаны за стенами замка, она будет следить за ее работой в саду. К тому же старуха полюбила её всем сердцем и не даст девчонке совсем зачахнуть после смерти матери и безумия её отца. Агата нужна мне живой и здоровой. До её семнадцати ещё долгие лета.

Изабелла сморщила носик, зацепившись взглядом за длинную крученую ленту плесени, проросшую на стене. Под плесенью на полу коричневели застаревшие пятна крови. Полыхнул огонёк настенного факела, потрескивающий на промасленной тряпке, и прекрасная леди Осткард повернулась к Айзаксу.

— Что будет потом?

— Она будет жить в замке, у тебя. Будет по-прежнему служить в саду, и ты будешь следить за этим. Потому что если она сбежит, и пятьдесят суток пройдёт с тех пор, как последняя капля крови и её труда будет впитана в сад Осткарда – лорд опомнится, и тогда я потеряю то, что нужно мне, а вы с Сиэльком – то, что нужно вам.

Губы Изабеллы превратились в тонкую линию, а руки сами собой сжались в кулаки. Она напряглась так, словно бы хотела разнести эти катакомбы вокруг себя на мелкие камушки – на какие жертвы ей всегда приходится идти! Однако, особа лишь кивнула.

— Да. Я поняла, — ровно ответила она. Когда Айзакс снизошел до легкой полуулыбки, Белла почувствовала настоящий прилив сил.

Глава 1

*Как хороша она была,
Представ пред королём,
О том ни в сказке не сказать,
Ни написать пером!
Король с престола поднялся,
Навстречу ей спеша.
«Чему дивиться? — двор шептал,
Она так хороша!»
Она в лохмотьях нищеты
Сияла как луна;
Одних пленяла нежность глаз,
Других — кудрей волна.
Такой блестящей красоты
Не видано в стране,
И нищей той сказал король:
«Будь королевой мне!»¹*

Палящее солнце окунулось в матовую дымку над лесом, а крепчавший было ветер неожиданно стих, покинув сочно зелёные луга и манящие степи. Вязкая духота сразу же растеклась над усталой землей.

Агата вытерла лоб рукавом старого холщового платья. Лицо, руки и шея сильно обгорели, покрылись россыпью язвочек и болезненной краснотой, а макушку напекло даже через косынку.

К счастью, на сегодня садово-полевые работы окончены, и теперь можно было не задерживаться на страшном пекле.

Совсем скоро скудная еда и короткие мгновения отдыха хоть как-то помогут прийти в себя. Оставив пышно цветущие клумбы, благоухающие дивными запахами редчайших из благородных цветов, Агата направилась по мощеной тропинке к замку. Там, у каменной стены, поросшей мхом и горьким лишайником, высился сарайчик, где хранилась многочисленная садовая утварь: инструменты, огромные короба с торфом, пузатые бочонки с удобрениями и многое другое. В дальнем углу сарая, возле накинутого на бечевку полотна с мелкими крапинками дырок, к стене крепился умывальник. Туда Агата и направилась, подхватив у порога ведро с нагретой на дневном солнцепеке водой.

Духота под ссохшейся крышей сарая ослабляла свои крутые пути. Ненамного, но всё же дышалось легче. Спрятавшись за тряпкой, Агата скинула выпачканную одежду и как следует вымылась, после подхватила с низкой треноги чистое платье, такое же старое и из такой же жесткой ткани, как и рабочее, и с облегчением переделась. Как же свежо и хорошо стало после помывки! Усталость едва ли ослабла, но смыть пот и грязь с изможденного тела — настоящий подарок.

Вернувшись на тропинку, девушка направилась к замку.

Сейчас Агата устало просочится по извилистым дорожкам мимо оранжереи, цветников и аларейских горок леди Осткард, срежет путь через старый выход на поле и спустится к конюшням. Там девушку, как всегда, встретят Рыжик и Ветхий — этих коней Агата по утрам частенько подкармливала огрызками крепких морковок, утащенных с кухни.

¹ Стихотворение «Нищая и король»; автор Альфред Теннисон, перевод Д.Н.Садовников (прим.авт)

А вечерами в замке бывало холодно. Даже слишком. Конечно, не для тех, кто жил в спальнях, отапливаемых высокими каминами, и всю ночь нежился на согретых медными грелками постелях. Холодно в замке было для слуг и чернорабочих – для таких, как Агата, ютящихся в полусырых уголках подвалов на тюфяках из сена или на жестких деревянных лавках. Для них – да, в замке бывало весьма холодно.

И всё же недавно Агате удалось избежать участи проводить мучительно холодные ночи в сырых комнатах для прислуги. Теперь она жила на кухне. Там, где большую часть суток полыхали огромные камины и теплились жаровни, где всегда было тепло. На кухне у Агаты имелся свой уголок под лестницей, где был расстелен её собственный тюфяк. А это – уже много. К тому же теперь девушка всегда могла хорошо и даже вкусно поесть.

Но знали все – никто бы никогда не выделил простой служанке такой замечательный угол без всякой причины. Это всё лорд Осткард. Он всегда заботился о ней, об Агате, делал для неё очень многое, даже всё возможное: помимо прочего, обучил её чтению и письму, позволил пользоваться библиотекой, научил кататься верхом на лошади... Лорду Осткарду была дорога Агата.

Скрипнула дубовая дверь, и Агата тихонько прошла на кухню. В теплом воздухе каменного зала с низкими потолками собрался целый букет самых аппетитных запахов.

Готовилась еда: в котлах кипел мясной бульон, на решетках пеклась рыба, пряная от перца и лимонного сока, у дальней стены поскрипывал вертел с румяным поросёнком.

А как оживлённо здесь было!..

Грузная кухарка в засаленном фартуке и её помощники резали овощи на дубовых столах, натирали приправами мясные заготовки. Кто-то выносил из кладовок завернутые в ткань горшочки со сметаной и горчицей.

Старшая из помощников Танте, чернобровая и кудрявая как овечка, бегала возле позолоченных плошек: сначала помешивала густые супы, затем подсыпала в них свежую зелень, уже после давала команду выносить блюда к столу в зале.

— Как всё-таки король Сиэльк любит свою сестру, — деловито произнесла служанка Алиса, топтавшаяся в углу кухни на деревянном табурете. — Всё время присылает ей подарки...

С одного из многочисленных веников, привязанных к низкому потолку, девушка сорвала щепотку лавровых листьев и с наслаждением вдохнула их терпкий аромат.

— Помалкивай лучше и работай, — устало буркнула кухарка. Она на мгновение перевела дух, затем снова продолжила заниматься резкой свежих кабачков. — Если не успеем управиться, леди Осткард нас всех без еды оставит, да ещё и выпорет почему зря.

Алиса насупилась и с понурым видом вернулась к подбору приправ. Похоже, после слов кухарки особый настрой служанки тотчас же испарился.

Помалкивали тем не менее на кухне совсем немногие. Кто-то без усталости болтал о пышных нарядах из шелка, привезенных леди Осткард на днях, кто-то – о бесконечно жарком и долгом дне... Но больше всего было тех, кто с глубокой скорбью шептался о войне: о том, что сил терпеть лишения и разлуку с близкими уже совсем нет, что конец Атернии близок, что кого-то снова совсем недавно забрали на поле битвы – и не куда-то там, а на Аларейский горный хребет, где жестокий лязг стали уже стал непрерывной песней, а пролитая кровь разве что не кипела.

Агата проскользнула под свисающими с потолка медными сковородками, ловящими мутные силуэты, и вышла во вторую часть кухонного зала. В дальнем конце находились кровати тех, кто спал на кухне. Агата подошла к лестнице, ведущей на второй этаж, и остановилась. Вот он, её тюфяк. Выбеленные заплатки, копна колючей соломы, торчащей из наскоро заделанных дыр, сложенный вчетверо рваный фартук вместо подушки. Какой уж есть, Агате выбирать не приходилось, но и жаловаться – грех. Другие слуги и о таком только мечтают. Забравшись с

ногами на свою кровать, Агата размяла плечи и, растерев шею, откинула голову на шершавую каменную стену. Теперь можно немного отдохнуть

Пообедать удалось спустя четверть часа. И сегодня обед был даже лучше, чем обычно. Слабосолёная похлебка, горячая, пусть и не слишком наваристая, зато с кусочком ветчины и щепоткой перца. Подсохшая буханка хлеба, две отваренные картофелины, приправленные укропом, и чашка душистого чая. Что могло бы быть лучше?

Определенно, ещё один большой плюс обитания на кухне – это более свободный доступ к еде, чем откуда бы то ни было. После обеда Агата почувствовала себя куда лучше, а устроившись на своём тюфяке, и подавно хорошо. Ступни, конечно, страшно болели. Руки и локти по-прежнему ломило, а лицо, запястья и даже темные от загара лодыжки – всё горело от раздражения. И ведь сколько же ещё сегодня надо успеть сделать! Пусть и не в саду... Хорошо, что у неё, у Агаты, есть хотя бы этот час отдыха, которым она так дорожила.

Девушка закрыла глаза лишь на мгновение и сразу же увидела расцветающие цветы белого вереска, а потом и красноперых северных птиц, голосистых и важных, скачущих в ветвистых кронах древних сосен. Где-то играла музыка, и Агата пела. Она пела песню, которую так любила, и почти летала, кружась в легком, словно бы воздушном танце. Она находилась дома, на севере, и счастьем её не было предела. Остаться здесь! Только бы остаться здесь подольше! Где-то шумели волны холодного моря, кричали чайки, свирепый ветер пел свою грозную песню, вытаскивая острые пики гор...

— Эй, Агата... Агата, проснись!

Кто-то теребил её за плечо. Вздрыгнув от колючего приступа страха, Агата распахнула глаза и резко распрямилась. Перед ней в сонном мареве, заволокшем глаза, плавало веснушчатое лицо Гаэрра. Заметив, что служанка проснулась, худощавый юноша с волосами цвета соломы растерянно скривил рот.

— А? Гаэrr, это ты... — выдохнула Агата, протирая глаза. — Что-то случилось?

Какая неосторожность – вот так вот заснуть! И сколько же она спала? Уж явно не десять минут!

— Там леди Осткард рвёт и мечет! — судорожно прошептал Гаэrr. Юркнув глубже под лестницу, юноша обхватил запястья девушки тонкими пальцами. Глаза его горели страхом. — Она не может понять, куда ты запропастилась...

— О... — только и смогла сказать Агата, почувствовав острое разочарование. — Разве обед уже закончился?

— Уже как полтора часа назад! — воскликнул Гаэrr. — А теперь Лиза и Анна собираются на прогулку, и тебя отправляют прислуживать им.

О нет! Сопровождать Лизу и Анну на прогулке! Хуже просто не придумаешь.

Но печальнее другое! Теперь ей ещё и ощутимо влетит за то, что её не было на чистке подсвечников в рабочее время, и тем паче за то, что её долго не могли найти. Теперь девушке точно не избежать наказания. Леди Осткард только повод дай.

Болью обожгло прикушенную губу. Сама виновата – не надо было расслабляться.

Собравшись с духом, Агата слезла с тюфяка и, отряхнув платье от пыли и сена, направилась вверх по лестнице вслед за Гаэрром. Теперь они шли по коридору замка, проходя мимо высоких окон и сверкающих янтарём подсвечников. Агата растерянно скользила взглядом по зеркалам. Оттуда на неё смотрела невысокая, худенькая девушка с бледным лицом и впалыми щеками. Прямой нос был усыпан крапинками веснушек, а из-под трепещущих ресниц на свое отражение взирали печальные сине-голубые глаза.

Северянка. Агата была северянкой. Северянкой была её мать, отец – лишь наполовину, но черты лица Агаты говорили о том, что кровь её принадлежала северному королевству Энтелии – Нортону.

Агата не была красавицей, напротив: обладала вполне заурядной внешностью, хоть и приятной. Единственное, что могло бы привлечь внимание во внешнем облике девушки – ярко-красные волосы, издревле свойственные некоторым северянам.

Служанка расстроено поправила косынку на голове. Вот только совсем недавно её волосы были почти под корень острижены по приказу Лизы Нэтт – старшей воспитанницы леди Осткард. И теперь у Агаты не осталось даже этого.

Они с Гаэрром подошли к тяжелой дубовой двери, украшенной резными вставками из черного металла. Дверь была приоткрыта, и юноша, почесав затылок, указал на неё.

Осторожный стук Агаты, конечно же, никто не услышал. Это было неудивительно, учитывая громкие голоса воспитанниц леди Осткард, выясняющих отношения. Как успела отметить Агата, спор шёл о прогулочной одежде.

Ну что ж, делать нечего, надо идти. Собрав волю в кулак, девушка шире приоткрыла дверь и тихонько прошла в комнату леди Осткард. Комната была светлой и теплой, хоть и находилась на северо-западной стороне замка.

Тяжелая мебель из темного дерева была украшена изысканной резьбой. Накрепко вре-занные в массив белые горошины горных стратов уже давно стали мутными, но своей красоты не потеряли, а прозрачно-голубой стектарус даже приглушённо сиял.

Мебели в комнате было много: гардероб с мягкой ширмой, кровать с пологом напротив богатого камина, точеные стулья и столики. Двустворчатый книжный шкаф пестрил корешками книг, а темный камень стен украшали венки из летних цветов и величавые портреты хозяйки замка и ее брата короля. Нигде не было даже малейшего намёка на присутствие лорда Осткарда в жизни его жены.

Агата прикрыла глаза и с удовольствием вдохнула приятные запахи, наполняющие помещение: в комнате витали ароматы сладких духов и свежей выпечки.

— Я не могу пойти на прогулку в этих обносках! — возмущенно причитала Лиза, с силой закрывая дверь платяного шкафа. — Даже если это прогулка в лес.

Она подошла к круглому столику у окна, на котором стоял серебряный поднос с кувшином, чашками и вытянутым блюдом, на котором лежали фрукты, ломтики мяса, сыр и свежий хлеб. Девушка отщипнула кусочек от душистого хлеба и отправила себе в рот.

— Уймись, — Анна устало отмахнулась от сестры. Сидя на кровати в белом шелковом платье, белокурая девица задумчиво перелистнула страницу книги. Бросив взгляд в сторону Лизы, держащей в руках безвкусное платье розового цвета, она добавила: — Ты собралась надеть на прогулку в лес эту розовую тряпку, которая только и годна для мытья полов?..

— Ничего ты не понимаешь!

Лиза фыркнула, начиная очередную тираду об отсутствии вкуса у сестры. Надо сказать, что обе воспитанницы леди Осткард были её очень дальними, но тем не менее горячо любимыми родственницами. Так как девушки были связаны кровными узами с самим королём Сиэльком, замашки у них были тоже королевскими. И хотя у леди Осткард не так давно родилась законная дочь, едва ли она проводила с собственным ребёнком больше времени, чем со своими воспитанницами. Впрочем, по большей части леди Осткард просто привлекало главное достоинство этих двух девочек, так давно живущих под её протекцией – их талант к пению и музыке. Две дальние родственницы короля и его сестры обладали такими невероятными голо-сами, что давно прославились на всё западное королевство. В народе считалось, что девушки смогли так прекрасно освоить музыкальное искусство и умение петь только благодаря своей наставнице – то есть леди Осткард.

Под крылом леди Осткард девушки жили не так уж и долго. Всего несколько лет назад обе сестры Нэтт оставили свой родной город и уехали в столицу, собираясь установить более тесное общение с родственником королевских кровей. Общение не слишком-то задалось по причине вечной занятости короля самим собой, поэтому при первой же возможности он отправил

девиц к своей сестре. Якобы для их обучения, а на деле – на радость Изабелле, «развеять её невыносимую скуку».

Лиза и Анна были взбалмошными девушками и уж очень горделивыми. Лиза обладала характером скверным во всех отношениях, была придирчивой и грубой. Внешность имела отталкивающую: слишком высокая, несуразно крупная, с большими и водянистыми глазами. Нос её был приплюснут и вздёрнут, пухлые губы почти всегда с неприязнью поджаты. Свои шикарные волосы цвета светлой меди Лиза ежедневно завивала в мелкие кудри, что её только уродовало.

Младшая Анна была на порядок умнее и рассудительнее, к тому же краше своей сестры. Взгляд она привлекала сразу. Анна была похожа на фарфоровую куколку. Все черты её лица были правильными, почти идеальными: тонкий носик, изящные губки, томно опущенные ресницы... Ростом Анна была невысока, едва ли выше Агаты, обладала точеной фигуркой и особой грациозностью. Свои светлые, словно платина, волосы она чаще всего убирала в простую, но красивую причёску с коралловым гребнем.

Платья младшая Нэтт носила всегда красивые, но не помпезные: обычно расшитые петлистыми кружевами, иногда со вшитыми под воротник цветами экуса, в холодную пору – отороченные мехом.

Поклонников у младшей дочери лорда Нэтта было не счесть.

Агата вдруг подумала, что раз сёстры Нэтт до сих пор не заметили её присутствия, то это может грозить ей лавиной обвинений в том, что она намеренно тихо вошла и подслушивает их разговоры. Поэтому, выждав ещё секунду, служанка тихо кашлянула в кулак.

— А, вот и ты, ну наконец-то! — воскликнула Анна, заметив Агату. — Где тебя носило?

— Тебя что, дрянь, стучать не учили? — развернувшись на каблуках и увидев Агату, сразу же взъерепенилась Лиза. Страшно сверкая водянистыми глазами, она уставилась на служанку, уперев руки в бока. — То-то я чувствую, помоями запахло! Почему тебя так долго не было?! Небось, опять в саду песни скрипеть пыталась?!

— Простите, миледи, — пробормотала Агата, опуская голову. — Нет-нет, никаких песен... Я... просто задержалась на кухне...

— Смотри мне, дождёшься вот! — грозно качая головой, орала Лиза. — В следующий раз наголо обрею!

— Лиза, Анна, ну в чем там дело? — послышался звенящий голос леди Осткард из смежной комнаты. — Тестос уже наверняка устал ждать вас!

В комнату вошла высокая женщина в атласном платье, расшитом жемчугом и серебряными нитями. Светло-русые волосы леди были убраны в высокую причёску, которую венчала невероятной красоты диадема.

Конечно же, леди Осткард не зря считалась самой красивой женщиной всего западного королевства. И красота её была блистательной. В серо-зелёных глазах горел огонь живой страсти, а идеальное лицо с фарфоровой кожей и изящными чертами казалось ненастоящим, будто бы нарисованным.

У Агаты сжалось сердце. Вот кого-кого, а леди Осткард ей, наверное, никогда не перестать бояться. Было ли странным то, что леди Изабелла Осткард всеми фибрами души ненавидела бастарда своего мужа? Впрочем, это не единственная причина, по которой эта женщина пыталась превратить жизнь несчастной Агаты в сущий ад.

— Миледи, — прохрипела Агата.

Острый взгляд Изабеллы словно кинжал уткнулся в служанку, казалось бы, пронзая её насквозь.

— Где тебя носило? — процедила Осткард. — Почему тебя не могли найти у подсвечников? Твой отдых уже давным-давно закончился. После прогулки с девочками тебя ждёт пять плетей за твою лень и халатное отношение к работе. Ты поняла?

— Да, миледи, — голос Агаты дрогнул. Она стояла, опустив голову и сжимаясь от страха. Леди Осткард сморщила свой аккуратный носик.

— А теперь убирайся вон отсюда и жди моих воспитанниц в саду. И побыстрее, я уже едва выношу эту вонь.

Под хихиканье Лизы и Анны Агата колоссальным усилием воли заставила себя кивнуть и после короткого реверанса сразу же покинула комнату.

Круглый диск солнца, то врезаясь в пухлые облака и пропадая в них, то снова появляясь на небесной синеве, лучезарно сиял, не желая опускаться. Теплолюбивых солнечных птиц теперь было совсем не слышать. Сегодняшний зной пришелся не по нраву даже им. Перестав петь ещё в полдень, сейчас они и вовсе усадили свои толстые тела в растрепанные круглые гнёзда и уснули в ожидании вечера. Это говорило лишь о том, что за прошедшее лето нынешний день стал самым жарким.

А цветы Осткардских садов наслаждались. Благоухая, они тянулись от серых стен замка вдоль тропинок, где упругий плющ зеленел на прутьях кованой изгороди: россыпь тёмно-сиреневых цветочков алиссума и пёстрые бутоны анемонов, бархатные розы и пушистые пионы, незабудки, незабудки, незабудки – небо на земле.

И жизнь вокруг них, этих цветов, пестрела яркими красками, запахами, движениями. Но слёзы Агаты тем не менее были горячи и слишком горьки, чтобы полностью этим насладиться. Девушка зажмурилась и покачала головой. Если бы сейчас ей было позволено спеть, она бы вложила в свою песню всю скорбь, всё своё горе... Но ей не позволялось и этой малости.

— Агата?

Обладателем тихого и вкрадчивого голоса, без всякого сомнения, был лорд Август Осткард. Служанка резко обернулась и тут же неловко придержала норовившую слезть с острой головы косынку.

Лорд Осткард был высоким, статным мужчиной, темноволосым и весьма приятным на лицо. Сегодня он, как обычно, был одет в свой летний камзол из серого полотна, расшитого перламутровой нитью. Светлые брюки лорда были заправлены в высокие сапоги с пряжками из серебра, на руках – белые перчатки из тонкой ткани.

Август Осткард был довольно молод и хорош собой, и он не обладал тем холодным высокомерием, какое было присуще многим людям его статуса.

Когда-то лорд славился не только милосердием, но и смелым нравом, а ещё храбростью сердца и бодростью духа. К сожалению, с годами, а ныне говорили, что и под влиянием его властный жены, Август Осткард стал совсем слаб характером и волей.

— Милорд.

Агата растерянно опустила голову в поклоне, затем на усталых, едва гнувшихся ногах сделала неуклюжий реверанс.

— Ну, что ты, милая... — Лорд Осткард подхватил Агату за плечи, призывая распрямиться. — Не стоит этих формальностей. Неужели ты плачешь? Что-то случилось?

«Просто ваша жена снова подарила мне пять плетей...» — подумала Агата и, всхлипнув, отрывистыми движениями рук начала вытирать слёзы с покрасневшего лица.

— Простите, милорд, — голос Агаты дрожал. Она никак не могла совладать с собой. — Со мной всё в порядке. Вам не стоит уделять этому столько внимания.

Лорд Осткард вздохнул, затем осторожно обхватил ладонями омраченное грустью лицо Агаты.

— Как же я могу не уделять внимания своей дочери, когда она несчастна? — не скрывая печали, сказал Август.

Лорд Осткард мягко улыбнулся и крепко прижал к себе своего бастарда. Первого и последнего ребенка лорда Августа Осткарда, носившего за своим плечом позорное клеймо, гласившее, что это дитя было рождено вне брака.

Агата могла бы ненавидеть отца за то, что её жизнь такая, какая есть: то есть невыносимая.

Она – бастард, её отец – лорд. Она ходит в рваных платьях и ютится в кухонном уголке, а он живёт в богатых палатах собственного замка и одевается в пышные одежды аристократии. Ей почти нечего есть кроме пресной похлебки и сухого хлеба, а он пробует за столом сотни изысканных блюд. Она трудится в саду не покладая рук, каждый день выслушивает упрёки и унижения от его жены и её воспитанниц, а Август Осткард тем временем с великой заботой и вниманием уделяет им всё своё свободное время.

Но Агата не ненавидела своего отца, напротив, очень любила. Она знала тайну. Знала то, что никогда бы не заставило её отца жить так, как он жил сейчас, и терпеть то, что его дочь живет так, как она живет. Она знала правду, но изменить ничего не могла.

— Лорд Осткард?

Голос, звенящий возмущением, заставил Агату вздрогнуть. Август растерянно, будто бы даже безвольно повернул голову и посмотрел на двух воспитанниц своей жены. Наглый и напыщенный вид Лизы, разодетой в безвкусное розовое платье, заставил Агату сжаться. Осткард чуть склонил голову, отводя в сторону затуманенный взгляд.

— Что вы здесь делаете, милорд? — надрывно спросила Лиза. — Рядом с этой оборванкой?

— Мы просто общались с моей...

— С кем?

Анна сверкнула серыми словно сталь глазами в сторону лорда. Август нахмурился, кашлянув в кулак.

— С Агатой.

Служанка понуро опустила голову. Её веки распухли, глаза щипало, а ноги словно бы перетянуло ядовитым жгутом. Однако сердце болело так сильно, что всё остальное казалось очень незначительным и слишком отдалённым.

Лиза насупилась. Черноволосый служка, тенью стоящий рядом с ней, испуганно сжал в руках корзинку с едой для пикника – сестры Нэтт как обычно взяли на прогулку кучу яств. Вторя сестре, Анна презрительно сощурила глаза. Выждав некоторое время, она процедила:

— Вы знаете, что ваша леди-жена уже давным-давно ждёт вас?

Август будто бы даже обрадовался, услышав слова Анны. Мгновенно приободрившись, он перевёл взгляд на младшую воспитанницу леди Осткард.

— Да, — облегченно выдохнул лорд. — Пожалуй, я не стану вас задерживать, милые леди, и поспешу к ней. Прошу меня простить.

Август поспешил удалиться. Быстрым шагом он пересёк четверть внутреннего двора, вдруг на мгновение остановился и задумчиво постоял на месте, ведя себя так, будто бы он только что понял, что оставил за спиной что-то важное. Эта странная задумчивость длилась буквально несколько секунд, но вскоре, так и не обернувшись, лорд продолжил свой путь в замок.

Если бы Агата могла себе это позволить, она бы сейчас упала на землю и разрыдалась, вопя от боли. Но нет. Она не могла. Иначе всё станет ещё хуже.

Девушка вздрогнула, когда тощий слуга быстро пихнул ей в руки корзинку, закрытую плотной льняной салфеткой. Раскланявшись, мальчишка поспешил скрыться среди садового кустарника. Обозвав Агату каким-то очередным, не менее гнусным, чем обычно, словом, старшая воспитанница леди Осткард с высоко поднятым носом прошла мимо, ведя за собой свою младшую сестру.

Через минуту сестры Нэтт приблизились к низкой калитке, у которой их ждал рослый воин в потертых доспехах из вареной кожи. Поздоровавшись с ним, обе девушки, хихикая и перешептываясь, направились вперед по широкой дороге, убежденные в том, что их ждет прекрасный полдник.

В лесу было холодно и сыро. Агата шла вслед за Анной, стараясь ненароком не споткнуться о торчащие из земли коряги. Крепкие ветви вековых деревьев сплетались друг с другом в плотную арку, и под покровом густой листвы царил полутьма.

Отмахиваясь от назойливых насекомых, норотивших впиться в любое свободное от одежды место, Агата не без раздражения поджала губы. И какое лихо понесло воспитанниц леди Осткард на пикник в лес именно сегодня? Агата понуро покачала головой.

Ну да, ну да. Поляна с живыми цветами роттер капонека. Они ведь совсем скоро отцветут. Снежно-белые кувшинки, благоухающие на шарообразных кустах, были прекрасны, без всякого сомнения. Это были крупные цветы с плотными лепестками, густо растущими вокруг мягкой сердцевины, синей, словно вода. Дивные и редкие роттер капонеки являлись достопримечательностью Осткардских лесов. И, конечно же, сестры Нэтт обожали устраивать пикники на поляне, где они цвели, а ныне уже отцветали.

Глубокий вздох не принес облегчения. Тяжёлая поступь широкоплечего Тестоса отражалась от земли с глухим звуком. Агате казалось, что при каждом шаге воина деревья вокруг немного дрожат и склоняются, хотя, конечно же, это было неправдой. Просто Тестос, доверенный воин-мечник леди Осткард, а в прошлом наёмник и убийца, был молчалив и страшен. Он внушал страх не только Агате: многие в стенах замка рассказывали о Тестосе самые разные байки. Но бабы рассказы всегда остаются бабыми рассказами. Агата не верила историям, сочиненным обитателями замка, однако то, почему Тестос уже давно становился чудовищем в сказках для маленьких детей, было вполне очевидно – его темное прошлое и жутковатый вид вполне соответствовали созданному людьми образу.

Воин обернулся, и Агата бросила на него короткий взгляд. Квадратное лицо исчерчено шрамами, уголки широкого рта опущены, левый глаз давным-давно выбит, правый, словно маленький чёрный жук, пронзительно поблескивает: то ли ненавистью, то ли презрением. А может, и тем, и другим. Агата вдруг подумала, что каким бы мрачным и суровым ни был этот воин, хорошо, что он сопровождал их сегодня.

Поёжившись, служанка крепче перехватила корзинку со съестным. Погода грозила испортиться в любую минуту, а две воспитанницы леди Осткард, судя по всему, даже и не думали о возвращении домой. Но Агате не нравилась не только погода, она, как и всегда во время подобных прогулок, всё чаще вспоминала о диком зверье, водящемся в глубине чащи. И ладно бы звери, так ведь бывают и напасти похуже: разбойники, например, или даже нечисть.

В любом случае Агату с её опасениями никто бы и слушать не стал.

Между тем воспитанницы леди Осткард шли всё дальше, а погода портилась всё быстрее. Небо вдруг стремительно затянуло бугристыми тучами, ветер завыл в темных гущах леса, и деревья надрывно заскрипели, словно постанывая. В тот момент, когда сестры Нэтт наконец поняли, что сегодня пикнику на лесной поляне не состояться и что пора поворачивать к дому, начал накрапывать дождь.

Вереща и ругаясь, Лиза и Анна разочарованно развернулись, намереваясь отправиться восвояси. Они преодолели совсем небольшой отрезок пути, когда неожиданно с раскидистых ветвей большого дерева у дороги испуганно вспорхнула стая диких птиц.

— Стойте! — прорычал Тестос глухим басом, резко останавливаясь на месте и хмуря густые черные брови. Он выставил руку, преграждая дорогу сестрам Нэтт.

— В чём дело, Тестос?! — Анне пришлось повысить голос из-за поднявшегося ветра. — Дождь совсем скоро разойдется! Мы должны скорее возвращаться!

— Помолчи, — рявкнул воин. — Что-то здесь не так.

Он всмотрелся в придорожную россыпь кустарника, затем перевёл взгляд в сторону пушистых ёлок, ветви которых несколько минут назад покинули лесные птицы.

Вторя словам Тестоса, что-то где-то заскрипело, зануло. Уже в следующую секунду в плечо знатного воина леди Осткард с хрустом вонзилась тонкая стрела.

У Агаты внутри всё стянуло от ледяного страха. Руки её разом ослабели и дрогнули, корзинка для пикника выскользнула из непослушных пальцев. Ударившись о землю, плетенка укатилась в густые заросли черники. Копченое мясо, булочки, пирожные и фрукты, а ещё графин и бокалы из серебра разом разлетелись по вытоптанной тропинке. Лиза вдруг истошно завопила. Попятившись назад, оступилась и махом упала в ворох сырых, подгнивших листьев. Анна даже не обратила на это внимания. Она лишь смотрела на Тестоса, в ужасе зажав рот руками.

Схватившись за плечо, воин охнул и отшатнулся. Ему хватило сил поднять голову и выхватить свой меч из расшитых драгоценными камнями ножен – подарка леди Осткард, но ещё раз поднять своё закаленное в боях оружие на врага ему было уже не суждено. Вторая стрела со свистом рассекла воздух и вонзилась Тестосу прямо в шею. Брызнула алая кровь. Глаза воина закатились, выдох с хрипом вырвался из приоткрытого рта, и мужчина замертво рухнул на сырую землю лицом вниз.

Багряные от крови наконечники стрел, торчащие из тела воина, смотрели ввысь, словно покосившиеся колья. Страшная картина заставила Агату содрогнуться. Её ладони вдруг будто бы налились свинцом, а ноги стали ватными. Лишь пронзительно-ошеломляющая прохлада августовского дождя ещё кое-как позволяла ей оставаться в чувствах.

Ветер вдруг совсем одичал, но даже сквозь его жуткие порывы Агата отчётливо услышала резкий свист, перемежающийся с голосистым кличем.

— Надо бежать! Бежать! — кричала Лиза, пытаясь подняться с земли.

Она оскальзывалась, оступалась, а когда кое-как наконец поднялась, то сразу же кинулась в лесную чащобу.

— Они пристрелят тебя, дура! — отчаянно крикнула ей вслед сестра.

Но если Лиза еще могла бегать, а Анна рассуждать о том, в каком случае их могут пристрелить, а в каком нет, то Агата не могла ни пошевелиться, ни даже подумать, что к чему. Почему-то в эти ужасные мгновения девушка осознавала лишь одно – если сейчас она умрет, то особенно ничего не потеряет.

Как и сказала Анна, Лизе так и не удалось убежать от дороги слишком далеко. Поблизости вдруг послышался хлопок, затем зазвенел женский смех, и Лиза вдруг снова истошно завопила. Совсем скоро старшая девица Нэтт вновь появилась в поле зрения Агаты и Анны. Ведомая незнакомкой за воротник своего отвратительного розового платья, теперь ещё и измазанного в грязи, Лиза во все стороны вращала водянистыми глазами и постанывала, видимо, силясь что-то сказать.

Ловкачкой, так быстро перехватившей старшую сестру Анны, оказалась женщина в открытой одежде дикарей из шкур и плотной ткани. Высокая, с жилистой фигурой, она выглядела смелой и донельзя суровой.

Агата отметила, что у незнакомки было красивое лицо, гордая осанка и глаза цвета янтаря, испепеляющий взгляд которых заставил бы многих поёжиться от страха. Длинные медно-рыжие волосы разбойницы были заплетены в растрепанную косу, украшенную шнурками из замши и блеклыми камушками. Предплечья и бедра женщины оплетали кожаные ремни, на которых крепились многочисленные кинжалы, метательные иглы и даже короткие стрелы.

— Ранеа, Лютильда, давайте-ка сюда, — гаркнула женщина. — Я поймала девку.

Агата вздрогнула, когда через минуту рядом с ней, ловко спрыгнув с деревьев, тихо приземлились ещё две женщины. Одна была невысокой и гибкой словно пруттик, с иссиня-чёрными волосами, собранными на затылке в высокий хвост и ясными глазами. Вторая – крупная, но необыкновенно изящно и тиходвигающаяся женщина с ёжиком коротких пепельных волос и крючковатым носом. Обе разбойницы, так же, как и первая, что привела сюда Лизу, были одеты в мягкие одежды из шкур и кожи.

— Ты, Шианна, верно, хотела сказать, что поймала не девку, а поросёнка, — язвительно произнесла крупная женщина. — Мы с Ранеей видели, как секунду назад какой-то розовый зад засверкал среди терновника, пытаясь скрыться от нас... Не поросятчий ли уж, ненароком мелькнула у меня мысль.

Женщина посмотрела на свою гибкую подругу, и они зашлись смехом. Побледневшая от ужаса Лиза лишь молча взидала на каждую из них, боясь даже пикнуть.

— Уймись, Лютильда, — отмахнулась Шианна. — Главное, девки леди Осткард у нас. Теперь нам надо доставить их в лагерь, а к ночи выручить за них побольше золота.

— Выручим, выручим, — мягко, словно бы мурлыча, произнесла Ренеа, глядя сначала на Лизу, затем на Анну. — Уж не сомневайся. Дактеан будет нам очень благодарен и монет не пожалеет, судя по нашему вчерашнему разговору.

— Ещё бы, — закатила глаза Лютильда, складывая мощные руки на груди. — После того, как ты с ним полночи прокувыркалась-то. Удивительно, что он вообще нам золото задаром не отдал.

На губах Ранеи мелькнула легкая усмешка.

— А я смотрю, ты ревнуешь, Лютильда. Но я понимаю, тебе обидно. Дактеана же исключительно титьками не заарканишь, как других, да?..

— Титьками заарканить можно любого нормального мужика. Просто, судя по всему, Дактеан в их число не входит.

Лютильда и Ранеа схлестнулись кипящими яростью взглядами.

— Так, а ну, закройте рты и доставайте веревки, — рыкнула рыжеволосая разбойница. — Ещё вашего бабьего трёпа мне здесь не хватало. У нас дело, если вы не забыли.

Неожиданно Анна, выглядевшая сейчас особенно несчастно в вымокшем платье и со спутанными платиновыми волосами, вдруг разрыдалась, закрыв свое миловидное личико изящными ладонками. Бессилие охватило её, и она бы упала, если бы Лютильда не подхватила девушку под руки.

— Эй, эй, спокойно, — буркнула разбойница, встряхивая Анну, словно та была не тяжелее пушинки, и снова ставя её на ноги. — Раскисать будешь позже, когда я тебя на лошадь закину, а тащить тебя до неё я не собираюсь.

Ранеа, сняв с крючка на поясе тонкую веревку, вдруг замерла, уставившись на Агату. Она будто бы раньше и не замечала присутствия девушки посреди этой заварушки, но сейчас... Чуть приподняв тонкие брови, черноволосая девушка посмотрела на Шианну.

— А служанка-то нам зачем? — равнодушно пожала плечами Ранеа.

Агата, понимая, что, возможно, она сейчас стоит на пороге смерти, вскинула взгляд на дикарку Шианну. Та, склонив голову, мрачно рассматривала девушку и что-то обдумывала. Губы её были сжаты в напряжении и, казалось, что вот-вот с них может сорваться холодное «незачем». Но нет. Ещё одно мгновение – и решено. Что-то теплое мелькнуло во взгляде Шианны.

— Возьмём с собой, — бросила она, взглянув на Ранею. — Пригодится.

Глава 2

Дождь зарядил с неимоверной силой. Мелкие речушки вспенились, забурлили и с шумом разбежались по разным уголкам леса. Листья кустарников склонились под напором дождевых капель и заблестели, а в грязной жиже земляных рытвин в танце закружились еловые иголки.

Ветер неистово выл, и в клубящихся тучах над головой гремели раскаты грома, однако пару раз Агате показалось, что где-то совсем рядом она слышит волчий вой. Скорее всего, ей, конечно, послышалось, так как разбойницы по-прежнему оставались спокойными, а их спокойствие умирало волнение и самой служанки.

Ехали долго, Агате показалось, целую вечность. К счастью, к тому времени, как их путь подходил к завершению, дождь, пусть и нехотя, но прекратился. Но, несмотря на поздний час, небесных светил не было видно даже мельком, а небо, всё ещё затянутое плотной пеленой грозowych туч, казалось низким, словно сырой потолок подземелья.

Агата, вымокшая и промерзшая до кончиков пальцев, ехала верхом, сидя перед Шианной, благодаря чему хотя бы спина служанки была согрета. Другие девочки – Лиза и Анна – сидели на лошадях подле двух поспоривших ранее разбойниц. На протяжении их долгого пути через тёмный и зловещий лес Агата то и дело возвращалась к мысли о том, что в этот уходящий в прошлое день её жизнь меняется кардинально и навсегда. И пусть Агата находилась в явной опасности, и ей в ближайшее время могла грозить смерть, служанка отчего-то чувствовала странную лёгкость. Может быть, от того, что ей всё-таки удалось избежать страшного наказания плетью, обещанного леди Осткард, а может, от того, что ей больше не придется просыпаться ранним утром и до полного изнеможения работать в саду хотя бы в ближайшее время. И это уже делало её счастливой.

На самом деле облегчение наступило потому, что Агата, скорее всего, навсегда обрела свободу от гнёта Изабеллы Осткард. Как это ни смешно, но действительно свободу, пусть и в плену у рыцарей ночи.

Снова завыл ветер, и Агата завертела головой, осматриваясь. Янтарные капли липкой смолы переливались на сосновых стволах, а пушистые еловые ветки, покачиваясь из стороны в сторону, сверкали россыпью дождевых капель. Должно быть, когда в этих местах не бывало дождя, земля здесь была сухой и твёрдой, усыпанной иголками и корой, отчего и сейчас грязи было не так много. Это ощутимо помогало лошадям быстрее передвигаться по витым тропкам.

Для Агаты было ясно, что эти места находились далеко от замка её отца. Лес, в который они приехали, был темным, хвойным. Совсем не таким звенящим и светлым, как Осткардские леса. Окружение скорее напоминало Агате её родные северные края – Нортон, тоска по которому терзала её сердце уже двенадцать лет.

Очевидно, то, что чаща просматривалась здесь весьма плохо, давало возможность с наибольшим преимуществом разбить лагерь для временного пребывания. Неудивительно, что именно в этой чаще разбойники и обосновались. Лагерь их оказался небольшим, хорошо освещенным.

Агата заметила его только тогда, когда лошадь Шианны перебралась через узкую канаву и вышла к лесным скалам, на мокрых склонах которых мерцали отражения костров. Не без облегчения служанка подумала, что их мучительный путь подходит к концу. Дрожа от холода в платье, тяжелая ткань которого, вымокшая до последней нитки, облепила тело, Агата искренне надеялась, что ей дадут возможность хотя бы немного обсохнуть возле огня.

Лошади разбойниц прошли мимо ямы со скарбом, охраняемым мускулистым мужчиной в доспехах из варёной кожи, и мимо лесного родника, бьющего из-под земли прямо под елью. Возле источника Агата заметила мешок с посудой, выструганной из дерева – чашками, тарелками, ложками и кувшинами.

Шианна и её лиходейки вывели своих лошадей на продолговатую поляну у крутого скалистого склона. С каждого её края горело по костру. На одном – там, где сидели мужчины и женщины в одеждах вольных дикарей – жарилось мясо какой-то дичи; на другом, возле которого две старухи складывали в короб рыже-красные обломки сосновых веток, кипятился чайник.

Агата сразу же заметила, что мужчин в лагере было явно меньше, чем женщин, были также и дети. По краям поляны под еловыми ветками и у высоких валунов были расстелены шкуры и широкие отрезки из дубленой кожи, а ещё подстилки из сухого мха и травы – места для сна.

Шианна остановила лошадь у широкого пня с торчащим из него гвоздями для привязки узды и ловко спешила. К ней тут же подоспел светловолосый мальчик лет девяти-десяти.

— Ну наконец-то! — завопил он, кидаясь в объятия женщины.

— Тише ты, тише! Не горлопань так громко, мы, конечно, в этот раз надёжно укрыты, но не стоит рисковать, — укорила его Шианна, но тут же обняла мальчика и крепко прижала к себе.

— Прости, прости... Я очень ждал тебя, мама! Хотел показать тебе мою добычу! И кролика, которого я сегодня подстрелил...

Шианна улыбнулась, и взгляд её смягчился.

— Успеется, охотник. Сейчас я должна разобраться с нашими пленниками.

— Пленники? — Лицо мальчишки вытянулось от удивления. — У нас пленники?!..

— Капио, давай без шумихи.

Мальчик с любопытством выглянул из-за спины матери. Рассмотрев Агату, Капио поглазел и на других пленниц, которые в сопровождении Ранеи и Лютильды направлялись к центральной части лагеря.

— Ты! — грозно, но с всё ещё прежним восхищением воскликнул мальчик, снова поворачиваясь к Агате. — Пленник! Как тебя зовут?..

Шианна попыталась схватить мальчишку за шиворот его курточки из мягкой кожи, но тот увернулся и в один прыжок оказался у лошади, на которой сидела Агата. Пока служанка размышляла, нужно ли ей отвечать мальчику или нет, ситуация разрешилась сама собой.

— Капио, уймись. Сейчас не до игр, — высказала Шианна сыну, беря его за руку. — Давай-ка возвращайся в лагерь. Я тебя найду попозже, и мы все обсудим.

Увидев строгое лицо матери, мальчик мигом успокоился. В эту же минуту со стороны лагеря послышался весёлый голос:

— Шианна! Ну наконец-то!

Агата моргнула и прищурила глаза. К ним направлялась полная женщина в цветастом платье свободного кроя. На её мясистой шее нежными бликами переливался настоящий жемчуг, собранный в короткое ожерелье, а в ушах пурпурно-синим огнём горели невероятной красоты камни.

— Да уж, — буркнула Шианна, отбрасывая вымокшую медно-рыжую косу за спину и хмурясь. — Жаль, что только ненадолго.

Шианна помогла Агате слезть с лошади и, поддерживая едва ковыляющую от волнения и бессилия девушку, повела её в лагерь. Капио не переставая кружился вокруг служанки, но лишь первые несколько минут. Уразумев наконец, что Агата, как и две другие пленницы, ровным счётом ничего собой не представляет, мальчик в ожидании матери удалился заниматься своими делами. Как услышала краем уха Агата: точить кинжал и плести новую верёвку для следующей охоты.

Разбойники, готовясь к ночи, завершали свои хлопоты. К примеру, грозный на вид старик перетаскивал хворост: подхватывал ветки, раскиданные возле скалы, крепко-накрепко перевязывал их и нёс вязанку к навесу, натянутому между кривыми ветвями старой лиственницы.

Чуть дальше от навеса юноша с обритой головой и шрамом на лбу кормил лошадей, девушка в простенькой тунике из вощёного хлопка сидела рядом и занималась чисткой кожаных доспехов.

Кто-то из женщин лагеря стирал бельё, кто-то из мужчин мастерил стрелы. Дети вместе со старухами перебирали овощи и фрукты, раскладывали по лукошкам грибы и ягоды.

Проведя девушек через лагерь, Лизу усадили близ скалы, у пузатых бочек, укрытых просаленными тряпками, Анну чуть дальше – у ещё одного родника. Обе девушки выглядели измученными и подавленными, они молчали, тихонько осматриваясь и вздрагивая от каждого шороха. Платья их вымокли и испачкались, потеряв всё своё очарование, но Лизу и Анну вряд ли сейчас это заботило.

Шианна подошла к разведённому у скалы огню, где вокруг чёрного от копоти котелка уже всю суетилась та самая женщина в цветастом платье, что встретила их несколько минут назад. Покрепче связав служанку и посадив её у тонкой ели, рыжеволосая разбойница устроилась у костра на подстилке из лапника. Протянув руку к низкому табурету, она подхватила с него пузатые мехи.

Агата всем своим существом ощутила, как невероятно прекрасно тепло огня, пусть так слабо, но всё же касающееся её. Устроившись поудобнее, служанка осмотрелась. Она заметила, что недалеко от котелка, висящего над огнём, были рассыпаны горячие угли. Над углями была установлена решетка, где пеклась рыба, картошка, мясо курицы. Там же у огня была поставлена каменная плита, на которой грелся чугунный чайник.

Агата прикусила губу. Запах наваристой похлёбки и поджаривающегося мяса заставил желудок девушки болезненно сжаться – после всего пережитого просто невероятно хотелось есть.

Но придется перебиться. Чай, не в гостях.

Время словно бы остановилось. Разбойницы ужинали и разговаривали, кто-то кричал, о чём-то спрашивал, смеялся. Потом всё стихло, и Агата задремала. Полудрёма охватила её ненадолго, уже вскоре голоса разбойниц снова заставили её очнуться.

— Эти две напыщенные индюшки важны для Дактеана, — содрав хрустящую кожуцу с копченой курицы, хмыкнула Шианна. — Но мы за них всё равно много не выручим.

— Как это так – не выручим? — пробасила женщина в цветастом платье. Она уже сидела рядом с Шианной и грела испачканные в золе руки у огня. Агата вдруг обратила внимание, что эта женщина чем-то схожа с Лютильдой, словно бы они были сестрами. — Они же воспитанницы леди Осткард!

Держа в блестящих от жира пальцах куриную косточку, Шианна рассекла ей воздух, отмахиваясь от собеседницы.

— В том-то и дело, Кассена, — качнула головой разбойница, и выражение её лица в один миг стало жёстче. — Они всего лишь воспитанницы леди Осткард. Не дочери они ж ей, в конце-то концов. Её новорожденная дочь в замке, у неё под боком. Что ей с этих дур?

Агата опустила голову и осторожно посмотрела на Лизу. Та, облокотившись о скалу, рыдала, закрыв лицо руками. Анну Агата со своего места видеть не могла, впрочем, догадывалась, что она горюет не меньше сестры.

— А что со служанкой? — Поведя круглым плечом, Кассена вдруг вскочила с места и начала собирать с низкого стола посуду, некогда блестящую серебристым цветом мельхиора, но ныне почти полностью покрытую черным слоем копоти. — Зачем нужна эта малявка? За неё они и меди не дадут.

Агата замерла и прислушалась.

— Этого мы ещё не знаем, — Шианна кинула пронзительный взгляд на свою пленницу. — Видишь ли, слуги обычно знают больше господ. Может, она будет полезна Дактеану. Если нет... — Шианна пожала плечами, и служанка почувствовала, как её сердце ушло в пятки. —

Заберем её к себе. Я уверена, что несчастная девчонка натерпелась в замке у лорда Осткарда. А мне всё равно нужны люди.

Неожиданно для себя Агата вдруг испытала удивительное облегчение. И не просто облегчение, даже толику терпкой радости. Почему? Она не знала, да и не было сейчас сил об этом думать. Прикрыв глаза, девушка тихо выдохнула.

— Когда ты отправишься? — спросила Кассена. — И как поедешь?

Шианна запрокинула голову и, припав к мехам, сделала несколько больших глотков. Утерев рукой капли вина с подбородка, она ответила:

— Скоро. Через час. Сегодня срежем – не хочу делать ненужный крюк, к тому же погода нам благоволит. Поедем через лес до тракта, а затем...

Шианна понизила голос, и Агата больше ничего не услышала. Резко жестикулируя, разбойница что-то разъясняла Кассене, грузная женщина почти ничего не говорила, лишь изредка кивала. Когда разговор наконец был окончен, Шианна снова взглянула на Агату и, о чём-то подумав, добавила:

— Кстати, дай-ка им, Кассена, травяной отвар. И поесть. Нам предстоит долгая дорога. Если они подхватят что-нибудь и испустят дух на руках у Дактеана, нам уж точно лучше не станет.

Спустя несколько часов после начала очередного путешествия дождь снова начал лить с неистовой силой. К счастью, тогда большая часть старого тракта, проходящего через лес, была уже позади.

Ночь, давно вступившая в свои права, темным маревом разлилась вокруг, и теперь Агата едва ли могла различать какие-то детали в окружающем её лесу. Ещё хуже стало после того, как над остывшей землёй растеклись извилистые пласты молочно-белого тумана. Сгустившийся неожиданно, он сильно раздражал Шианну, и Агата нередко слышала, как женщина тихо ругается себе под нос, бормоча что-то про опасность засад.

Агата клевала носом и, по-прежнему сидя на лошади перед разбойницей, пару раз даже задремала. Горячий и ароматный травяной отвар, по кружке которого досталось пленникам от Кассены, позволил согреться, а немного картофеля и парочка кусочков куриного мяса разом притупили чувство страшного голода.

Они остановились как-то слишком неожиданно. Могло показаться, что разбойницы просто потеряли дорогу, заблудились. Тракт с застарелой, размытой в последние дни колеёй вёл вперёд, в темную еловую даль незнакомого Агате леса, а дальше – неизвестность.

Некоторое время лошади трёх женщин, сопя и фыркая, беспокойно топтались на месте посреди дороги. Лютильда и Ранеа вслушивались в шорохи, были напряжены, хмурились, как и Шианна, которая не мигая вглядывалась в темноту кустов дикого орешника, разросшегося справа от дороги.

Агата едва заметно вздрогнула, когда гибкие ветви кустов тихо разошлись в стороны, и на дорогу вышел крепкий молодой конь вороной масти. В глубоком седле восседал мужчина в черном плаще. И хотя его голову покрывал капюшон, Агата хорошо видела лицо незнакомца – бледное, с грубыми чертами и впалыми щеками.

Цепкий взгляд мужчины скользнул по лицам разбойниц, задержался на Ранее.

— Уговор выполнен, Дактеан. — Голос Шианны был холоден как лед.

— Наконец-то, — едко произнес мужчина. — Почему так долго?

— Подождёшь, не развалишься, — огрызнулась разбойница. По всей видимости, недовольство Дактеана вызвало у Шианны раздражение куда большее, чем матовый туман, плотно сгустившийся на лесной дороге. — В прошлый раз из-за твоей спешки я чуть не потеряла человека. Так что изволь.

Дактеан едва заметно оскалился, но сказать ничего не сказал. Чуть склонив голову, оглядел Агату, сидящую перед Шианной, нахмурился и перевёл взгляд на других пленниц.

— Кто из них кто?

— Эти две, — Шианна кивком указала на Лизу и Анну, — те самые воспитанницы леди Осткард, о которых мы договаривались.

Дактеан с недоверием достал факел из кожаной сумки, пристегнутой к седлу. Чиркнуло огниво, и огонь полыхнул на пропитанной маслом тряпке, разгораясь в ночной темени маленьким заревом. Сощутив глаза, Агата отвернулась.

Держа факел в руке, Дактеан прищепил коня, и тот поплёлся через дорогу ближе к разбойникам. Подъехав к Лютильде и Ранее, мужчина внимательно оглядел захваченных в плен девушек. Всё это время лицо его оставалось сухим и бесстрастным, словно бы безжизненным, однако в глазах читался интерес.

Повернув коня к Шианне, Дактеан указал на Агату.

— А эта оборванка?

— Служанка. Была с ними, когда мы их взяли. Можешь брать – она может оказаться полезной, если вдруг знает что-то; можешь не брать, тогда я сама решу, что с ней делать.

Дактеан снова посмотрел на Агату. Взгляд его был колким, неприятным. Глядя ему в глаза, девушка почувствовала, что её судьба за нынешний день решается уже в третий раз. От решения этого человека будет зависеть то, что её ждёт в ближайшем будущем.

Обдумывая всё с раздражающей медлительностью, Дактеан лениво склонил голову набок. Наконец его губы дрогнули и искривились в презрительной усмешке, взгляд ожесточился.

— Возьму и чернь. — Мужчина посмотрел на Шианну. — Она и правда может знать что-то важное. Там разберутся. Но много золота за неё не проси – может быть, четверть от половины.

— Мне нечего терять, — бросила Шианна, соглашаясь.

Агата почувствовала, как её сердце раскалывается на части. Значит, решено. Дальше она едет с этим страшным типом, но чего же ей теперь ждать? Скорее всего, надо начинать снова готовиться к тому, что в ближайшие дни её может ждать смерть или нечто похуже.

Просвистев что-то по-птичьи, Дактеан развернул коня. Шианна вздрогнула, нервно сжав в пальцах гриву своей лошади. Агата знала почему: разбойники в лесах лорда Осткарда уже давно не использовали птичий язык. Там это стало слишком опасно ещё десять лет назад, после разгула «Пернатой банды», которую не могли поймать слишком долго и членов которой обрекли на слишком жестокую смерть, чтобы те, кто бороздил Осткардские леса, теперь не боялись быть причисленными к этим некогда ловким бандитам. Тем не менее в здешних местах вряд ли это чем-то грозило таким, как Шианна и Дактеан.

Что-то хрустнуло, и из кустов орешника вдруг показалось лицо, носившее на себе застаревшие следы яропитой болезни, а секунду спустя показался и его обладатель – крепко державший факел в руках здоровяк неопределенного возраста.

— Лоттон, неси сюда деньги. И начинай готовить повозку.

Голос Дактеана словно прошелестел, прокатившись через лесную тишину. Зло сверкнув глазами в сторону Шианны, Лоттон коротко кивнул и снова исчез в кустах.

Пыльный, обитый медью сундучок из массива тика здоровяк принёс уже через несколько минут, и Шианна внимательно пересчитала всё до последнего золотого. Когда она наконец захлопнула крышку сундука и передала его Лютильде, ослабевшие от долгой дороги пленницы уже стояли возле Дактеана. Девушки переминались с ноги на ногу и дрожали от холода – все трое с бледными лицами и со свежим страхом в глазах.

— Всё верно? — насмешливо осклабился Дактеан, перехватывая гибкие поводья, пристегнутые к удилам его лошади.

— Вполне.

Тон Дактеана Шианне не нравился, впрочем, как и он сам. Однако, сомневаться в чистоте сделки с ним разбойнице ещё ни разу не приходилось. Дактеан любил поддерживать крепкие и доверительные отношения с тем, с кем он работал, но деньги и выгоду любил ещё больше, так что, по идее, всегда мог предать ради большей награды.

Шианна нахмурилась, заметив тревожный взгляд огромных синих глаз Агаты. Служанка на секунду замерла, рассеянно огляделась и тут же скрылась с дороги, ведомая Лоттоном в чашу.

— Тёмных ночей тебе, Шианна, — произнёс Дактеан, разворачивая лошадь и собираясь исчезнуть, как надеялась разбойница, на «подольше».

— И тебе, — с нажимом ответила женщина.

Дактеан ушёл, а Шианну вдруг кольнула жалость: всё же не стоило отдавать ему несчастную девочку...

Влажная трава мешалась с густым мхом — мягким, но таким вымокшим, что Агате казалось, будто бы она наступает в воду. Туман сгустился ещё сильнее, казалось, закипел. Плавно огибая деревья, он растекся над землёй лилейными лентами. Теперь карабкаться через скользкие заросли стало ещё тяжелее. И пусть шли недолго, но показалось, что целую вечность. Шаг за шагом, от дерева к дереву, всё дальше и дальше... Красные ягоды брусники лопались под уставшими ступнями, листья прилипали к коже, тяжелые от влаги ветки царапали щеки.

Платье и изношенные башмаки снова насквозь промокли, и холод мгновенно стянул всё тело ощутимой вуалью.

Пробираясь через кусты, Агата пыталась хоть что-то рассмотреть в темноте — выходило едва-едва, и это было плохо, потому что идти было и так тяжело, а их ещё и подгоняли. Последние силы вдруг утекли вместе с тонкими ручейками дождевой воды, внимание померкло, отчего Агата поскользнулась на круглом корне и споткнулась. Ухватившись за толстый ствол дуба, чудом удержалась на ногах. А когда, тяжело дыша, подняла голову, поняла, что они пришли.

Лоттон, бурча под нос ругательства и дёргая мощными плечами, протопал в темноту и уже через четверть минуты вернулся. Он велел им встать возле небольшой телеги — старой, но по виду крепкой, над задней частью которой был установлен навес из прочных досок, покрытых плотной парусиной, а ещё велел помалкивать и не ныть, сам он, что-то разыскивая, завожился возле козел.

Дактеан остановился неподалеку от телеги, бесшумным и мягким движением достал из-за пазухи серебряную флягу и протянул её Анне.

— Пей, — холодно приказал Дактеан. — И вы две — тоже. По глотку.

Анна коснулась фляги слабеющими пальцами, помялась, никак не решаясь взять её в руки. Отяжелённый злобой взгляд Дактеана заставил воспитанницу леди Осткард поторопиться. Взяв флягу в руки, девушка поднесла её к губам и сделала глоток. Морщась и вытирая рот, Анна передала её сестре. Та нервно схватила флягу, быстро сделала глоток и так же нервно сунула ёмкость в руки Агаты.

Девушка скользнула взглядом по выпуклым цветам на серебряной виноградной лозе, затем, почувствовав запах мяты и белой лаванды, на какое-то мгновение замешкалась. Но ждать её никто не собирался. Ещё секунда — и холодное горлышко фляги коснулось сухих губ, во рту расплылся горьковато-кислый вкус какого-то варева.

Оказавшись в телеге, Агата сразу прильнула к стенке, где, устроившись меж пыльных мешков, обхватила колени руками. Под парусиной было темно — глаз выколи, зато хорошо чувствовался запах мускуса и экзотический аромат сандала, запрещенного для нефиксированной перевозки по землям ближайших государств без уплаты огромной пошлины.

Эта деталь помогла Агате понять, что они сейчас находятся в плену контрабандистов.

Забравшись в телегу вслед за Агатой, Лиза и Анна сразу же забились в самый дальний угол, и уже через минуту, переваливаясь и покачиваясь, телега медленно двинулась вперёд.

Дорога была ужасной – долгой, тяжелой, переносилась с надрывом.

Иногда повозку приходилось останавливать, чтобы либо вытащить колеса из ямы или слишком глубокой колеи, либо что-то сделать с осью, чтобы она выправилась. В эти минуты девушки вылезали из-под навеса, ёжились, стоя на холодном ветру, но затем они снова залезали под парусину к мешкам, сундукам и коробкам, правда, только после того, как Лоттон и Рубис, длиннорукий кучер с ёжиком черных волос и несоразмерно большой по отношению к его голове челюстью, вытаскивали телегу на дорогу.

Дактеан лишь контролировал ситуацию, он ехал на своей лошади позади повозки, поглядывая за тем, чтобы девушки никуда ненароком не ускользнули. Агате же то и дело чудилось, что где-то совсем близко она слышит многочисленные голоса, сменяющиеся криками и лязгом оружия, что кто-то кричит, зовёт её по имени. Конечно, на самом деле ничего подобного не происходило, и даже чудившийся служанке огонь факелов, мелькающих из-за колышущегося навеса, был лишь плодом её воображения.

Девушка всё быстрее проваливалась в мучительно-беспокойный сон.

Повозку сильно тряхнуло при въезде на очередную колею, и это заставило Агату очнуться. Сощуриив глаза, служанка судорожно втянула в себя воздух. Первое, что она почувствовала, был зверский холод, второе – слабость, даже бессилие.

Телегу шатало, плотная ткань навеса сильно продувалась. Найдя в себе силы, Агата поднялась на месте, после, усевшись возле двух пыльных мешков с чем-то тяжёлым внутри, замерзшими пальцами коснулась своих губ. Хотелось пить до жжения в горле. А ещё есть и по-прежнему спать, но нельзя. Девушка обхватила руками свои худенькие плечики, приходиться в себя было тяжело.

Ощущение после сна было странным. Голова была слишком тяжелой, кружилась, всё тело ломило, а конечности едва двигались. Должно быть, Дактеан дал своим пленницам сонное зелье, не иначе. Служанка попыталась найти взглядом воспитанниц леди Осткард. Обе сестры по-прежнему ютились в самом дальнем уголке телеги, спрятавшись за дубовым сундуком и стопкой стянутых канатом подушек. Лиза спала, опустив голову себе на грудь. Её светлорыжие волосы были сильно всклокочены, слиплись от грязи. Розовое платье, украшенное нежной рюшей, перепачкано в грязи и разорвано в нескольких местах, точно так же, как и светлое одеяние Анны, прикорнувшей на плече у сестры и то и дело нервно вздрагивающей в беспокойном забытии.

Агата нахмурилась, поправила давно просохшую косынку на голове и покусала сухие губы. Сколько же времени прошло с тех пор, как она заснула? Как далеко их увезли?

Решив попытаться разглядеть что-либо из-за брезента, девушка подобралась поближе к краю телеги. В этот момент повозка со скрипом накренилась и остановилась, заставив служанку испуганно замереть на месте.

— Эй, Дактеан... Ты, что ли?

Хриплый мужской голос был отчетливо слышен даже сквозь какофонию, сплётшуюся из рёва морозящего дождя и воя одичавшего ветра.

— А ты что, не видишь, свинья, я это или кто другой? — грубо вторил ему голос бледнолицего контрабандиста. — Отворяй ворота да побыстрее. И пошли в замок весточку о моём прибытии.

Послышалось хриплое заискивание привратника, после – глухое восклицание и грохот. Судя по всему, ворота, находящиеся где-то впереди телеги, начали открываться. Даже из-под

брезента слышалось, как пыхтели мужики, и как стража чего-то голосит, прерываясь на громогласный смех.

Вскоре Дактеан и двое его людей повели лошадей дальше. Повозка, скрипя осями, тяжело перекатилась с размытой дороги на мощеную и дальше пошла уже куда легче и быстрее.

Агате удалось выглянуть из-за парусины, отогнув её краешек. Теперь она со всем вниманием осматривалась вокруг.

Город, куда привезли её и девочек-воспитанниц леди Осткард, был большим, величавым. Это было заметно даже сквозь царящую ночную темень на улицах. Дома из тёмно-серого шершавого камня высились по обочинам широкой дороги, по которой сейчас и ехала телега, то малые из них, то повыше, уходили в самые разные стороны вслед за изгибами дорог и ленточками переулков. В окнах их изредка мерцал свет – неяркий, свечной, а по стенам снаружи вился дикий виноград, пышущий сочно-зелеными листьями. Агата видела не только узкие улочки и проспекты, где заунывно поскрипывали вывески таверн и лавок, видела и площади – неровные круглые, вытянутые овальные, с низкими прилавками и со сколоченными сваями из дерева для будущих ярмарок и увеселительных мероприятий.

Город казался Агате донельзя знакомым, но уцепиться за черты его девушке никак не удавалось – усталость и головная боль едва ли давали сосредоточиться.

По городу ехали долго. Через час взгляду вдруг всё чаще стали попадаться высокие поместья за коваными изгородями, фруктовые сады и аллеи с фонтанами и цветущим кустарником, лавки богатых торговцев. Потом вдруг телега, скрипя и постанывая, громыхнула и тяжело выкатилась на большой мост. Агата слышала шум воды, а ещё смех и возгласы, скрип дерева и бряцанье лошадиных копыт по камню.

Служанка всё гадала, в какой город их могли привезти, когда, в очередной раз накренившись, повозка вдруг остановилась.

Дактеан перевёл взгляд на Лоттона и кивком указал в сторону телеги. Последний, скривив лицо, исчерченное шрамами от многочисленных язв, кивнул. Грузный наёмник прыгнул на землю, да так, что под его широкими ступнями камень, казалось, едва не закрошился. Резво перебирая коренастыми ногами, Лоттон подоспел к едва покачивающемуся на ветру брезенту и рывком отдёрнул его. В телегу хлынула волна яркого света, и Агата отвернулась, прикрыв глаза рукой.

Увидев Лоттона, Анна ахнула и прижалась к Лизе. Та была бледной, словно мел. Глаза её горели – и едва ли не впервые в жизни не презрением, а страхом.

— Вылезайте, — прокрипел наёмник.

Холодная злоба, мелькнувшая в его взгляде, не предвещала ничего хорошего, поэтому Агата поднялась с места и, пробираясь через хлам, сваленный в телеге, поспешила выбраться наружу. Лиза и Анна не последовали примеру служанки, и поэтому через минуту, тихо бурча грязные ругательства себе под нос, уже сам Лоттон залез в повозку и выпихнул из неё двух визжащих девиц.

Тем временем переминавшаяся с ноги на ногу Агата оглядывалась вокруг.

Сомнений не было, это был внутренний двор замка – двор просторный, убранный, хорошо освещенный танцующим на ветру пламенем многочисленных факелов. Стража была идентично одета в прочную кольчугу, поверх которой алело сюрко без рукавов, с гербом, вышитым на груди белыми нитями: огромная птица, изображенная на щите, распахнула остроперые крылья в стороны, гордо подняла голову, украшенную массивной короной. Деталей на гербе, конечно, было намного больше, но, во-первых, Агате их было не разглядеть, а во-вторых, этого и не требовалось. Она и так уже до иступления похолодела, мигом уразумев, кому именно принадлежит этот поистине великолепный герб.

Служанка вдруг почувствовала, как счастье мешается с горем от осознания происходящего и застывает внутри чем-то горячим и сладким, воздушным, необыкновенным. Господи, кто бы мог подумать, что их привезут в столицу Нортон!

Она дома, дома! В своем родном королевстве, в Нортоне!

Но кто она здесь?.. Боль разрывала сердце едва ли слабее упоительного ликования. Она служанка, пленница из Атернии, и здесь, на родной земле, её не может ждать ничего, кроме страшной смерти.

Агата резко обернулась. Так оно и будет для неё, так давно покинувшей северный край и столько лет прожившей на западе, ведь их привезли не просто в поместье неизвестного ей лорда, но в замок короля.

Он был перед ней. Замок из тёмного камня был огромен и невероятно красив. В его высоких окнах теплился свет, а ровные стены, искусно украшенные внушительными карнизами и неброскими узорами, тянулись в стороны, перетекали из нижних помещений в верхние и венчались высокими башнями, на острых шпилях которых развевались тёмно-красные флаги с белым гербом короля Нортон.

Агата зажмурилась. Вот и всё. Скорее всего, в ближайшем будущем их ждут пытки и смерть. И отсюда-то им точно уже не выбраться.

Но сколько же они добирались сюда?! Сколько проспали?! Земли лорда Осткарда находились на стыке Атернии и Нортон, и в этой войне, как и в давние времена, были провозглашены нейтральной территорией – мостом. Хотя ныне Август Осткард поддерживал Сиэлька, в боевых действиях против северного короля всё же не участвовал. Нейтральная земля была нужна и королю Атернии, и королю Нортон. У каждого на то были веские причины.

Но ни одна из этих причин не могла спасти жизнь жалкой служанке, пусть даже из дома лорда тех земель, что были провозглашены свободными от войны.

Агате было страшно. Пусть в её жизни было так мало хорошего, она всё же жила – с трепетом и любовью ловя каждый повод к радости, начиная от небесной глади, коей она могла наслаждаться каждый день, и заканчивая куском хлеба, достающегося ей в обед. Она могла жить, любить и петь.

Служанка подняла голову, подставляя лицо порывам свежего ветра, вобравшего в себя запахи полевых цветов, лесной чащи и дивный запах возлюбленного Северного моря. Девушка посмотрела на тёмно-синее полотно неба над головой, усыпанное холодными колючками звёзд. Сейчас, в эти мгновения, она всеми силами пыталась уцепиться за последнюю красоту мира, развернувшуюся перед ней.

Но что, если это конец?..

Если есть Божья воля на то, чтобы её час настал в этот момент – пусть будет так. Только бы её конец был достойным.

Пытаясь справиться с находящей волной ужаса, Агата пристально наблюдала за стражниками. Кто-то нёс караул, прохаживаясь по стенам, кто-то играл в карты, кто-то копошился возле низких деревянных столов, на которых было разложено разнообразное оружие: от гибких луков до длинных мечей. Юноши в легких одеждах из серой ткани либо упражнялись в фехтовании, либо тренировались метать кинжалы в одну из нескольких мишеней, сделанных из сена. У деревянных дверей, ведущих в разные помещения замка, появлялись то бабы в фартуках или в выцветших сарафанах, то старушки с корзинками или стопкой каких-то вещей в руках, изредка – служанки в аккуратных сереньких платьях.

Агата вздрогнула, когда обернулась и увидела перед собой бледное лицо Дактеана. Контрабандист так и не снял своего тёмного капюшона.

— Мы готовы, — прокрипел Лоттон, страшно ухмыляясь.

Быстрый взгляд цепких глаз Дактеана скользнул по пленницам.

— Тогда идём. Не стоит заставлять короля Ренери ждать.

Глава 3

— Пошевеливайся.

Лоттон толкнул Агату, заставляя быстрее подниматься по лестнице к массивным дверям парадного входа. Слабость от бушующего в крови страха была слишком сильной, слишком туго она связала тело. Колени вдруг подогнулись, и служанка упала, чудом не разбив себе нос, однако она оцарапала ладонь и разбила колени. Боль обожгла, заставила содрогнуться, но Лоттону было всё равно – он подхватил девушку за шкуру и поднял на ноги одним сильным рывком.

У Агаты с головы слетела косынка и шлепнулась на каменные ступени влажной тряпкой. Девушка судорожно положила руку на голову, затем попыталась подхватить косынку со ступеньки, но Лоттон не дал ей этого сделать.

Он снова грубо пихнул её, заставляя идти вверх по лестнице. Служанка, опустив лицо и стыдливо прикрывая голову, обречённо направилась вперёд, к огромным дверям замка. У дверей их встретил высокий мужчина – не слишком молодой, но и совсем не старый, как Агата узнала много позже, имя его было Марон, и он был родным дядей и верным советником короля Ренери.

Марон был красив. Его светло-русые, прямые и гладкие как шёлк волосы длиной доходили до середины спины. Лицо его было лицом истинного аристократа – с чертами тонкими и приятными. Одет Марон был изысканно: льняная туника алого цвета, искусно расшитая белым кружевом, была перевязана на поясе ремнём из мягкой кожи, точно из такой же кожи были выполнены и его сапоги, украшенные серебряными пряжками.

Короткий разговор Дактеана и Марона показался Агате напряженным, и хотя служанка и не слышала ни слова, оставаясь вместе с Лизой и Анной под присмотром Лоттона, лица собеседников говорили о многом.

Вскоре Дактеан ушёл, и Лоттон удалился вслед за ним. Агата почувствовала сказочное облегчение, расставшись с неприятными контрабандистами. Советник короля, впрочем, тоже не слишком любезный, сопроводил пленниц в замок в присутствии двух стражников.

С виду колоссальной красоты замок короля Нортон казался весьма мрачным, и у гостя, оказавшегося внутри него, это впечатление едва ли поменялось бы. Внушительное, отчасти строгое, но тем не менее роскошное убранство королевского замка было неброским, однако обладало той изящной простотой, которая давала возможность беспрепятственно заметить, каким прекрасным было это место.

Серый камень стен, тонкие колонны, сводчатые потолки – первое, что бросилось в глаза Агате.

Детали мелькали одна за другой: высокие окна и цветистый витраж, сверкающие мечи и древние щиты на стенах нижних этажей, на верхних – в основном гобелены в резных рамах и начищенные доспехи древних рыцарей севера. И там, и там – тяжелые круги люстр на цепях под потолком, колыхающееся пламя свечей в украшенных серебром настенных подсвечниках...

Во всём, что видела Агата, чувствовался родной нрав северного края, воспоминания о котором покоились в её сердце столько лет. Вслед за советником короля пленницы поднимались по каменным лестницам, проходили через сквозные коридоры, темные, освещенные едва теплящимися свечами, и мимо огромных дубовых дверей, таких крепких, что, казалось, открыть их может только кто-то очень сильный.

Людей в замке было не так много, но Агате казалось, что народу уйма: взгляду девушки попадались то высокопоставленные лорды, то прекрасные леди, то придворные, то слуги, то стражники, то чашники, то стряпчие, то ключники.

Комната, куда их привели, была довольно просторной, но мебели здесь было мало: кровать с резными столбиками и тяжелым балдахином из тёмного шёлка, два обитых тканью стула у камина с витым фасадом, огромная медвежья шкура на полу. У высокого окна – низкий комод с кувшином из синей керамики и круглой чашей из бука.

Мужчина выпустил пленниц в комнату и велел ожидать. Все три девушки встали рядом друг с другом – Агата, рядом с ней Анна, потом уже Лиза.

Тяжёлая оконная штора была подхвачена сплетением темно-серых канатов и убрана к стене, поэтому Агата, стоящая у окна, могла свободно видеть мерцающие в темной небесной дали звёзды и кромку леса на утёсе у морского берега.

Кажется, море не так далеко отсюда.

«Я взгляну на него хотя бы ещё разок», — с любовью подумала Агата, представляя иссиня-зелёную гладь морской воды. Она помнила, что море бывало разным, но оставалось всегда одним и тем же. Вечным. Во время штиля его вода была гладкой и упругой, такой, что если уплыть подальше от берега, через толщу воды можно было рассмотреть часть таинственной морской глубины. А в шторм оно становилось страшным – с опасным буйством громадных волн, разбивающихся о скалы, мечущим мириады колючих брызг и ужасающе ревущим. Нынче море было беспокойным, но ещё не пугало. Одна за другой волны перекатывались блестящими валунами, шмякали об острые камни под утёсом, затем плавно расходились в стороны.

Агата любила море. Оно было потрясающим, всегда манило её и темнью, сокрытой под глянцевыми волнами, и нежными, как пух, пенистыми барашками, да и всем тем, чем море было. Девушка ещё раз взглянула в сторону леса, темнеющего на утёсе, и сердце её сжалось от умиления. Она дома. Об этом она и не смела мечтать.

Услышав страшное завывание ветра где-то этажами выше, Агата вздрогнула и, повернув голову, пронаблюдала, как Марон, не посчитав нужным позвать слуг, пыхтя закладывает в камин короткие поленья. Впрочем, с розжигом огня у лорда и без слуг получилось управиться довольно быстро, так что уже через несколько минут комната, помимо свечных огарков в маленьких подсвечниках, освещалась ещё и светом пламени, танцующего в камине.

Вскоре Агаты коснулась первая крупница тепла, тронула её изможденное тело под сырым холщовым платьем. Вот бы подойти чуть-чуть поближе и отогреться...

Послышались шаги и громкие голоса, все присутствующие в комнате разом повернулись к двери, что, скрипнув, приоткрылась. В помещение вошла невысокая служанка. Кудри её каштановых волос торчали из-под белого чепчика, а карие глаза, торопливо бегающие любопытным взглядом по лицам присутствующих, горели некоторой наивностью. Девушка, как и другие слуги королевского замка, была одета в серое платье и белый передник, она сделала аккуратный реверанс и тут же кинулась к камину, принимая у Марона обязанность ухода за огнём.

Советник короля, кинув быстрый и весьма недовольный взгляд на пленниц, с усердием отряхнул ладони от частиц древесной коры и сажи. По его оклику все как один благоговейно замерли с некоторым трепетом и страхом.

Дверь комнаты снова распахнулась. Теперь в помещение вошёл не кто иной, как благословенный наследник королевской крови, избранный по роду регент последних северных земель и нынешней правитель великого Нортон – король Ренери.

Агата восхищенно распахнула глаза, и сердце её ошеломленно замерло в груди.

Кто бы мог подумать...

Он был невероятно хорош собой. У Агаты в один миг перехватило дыхание. Значит, слухи не врал, а рассказы в тавернах были совсем не рассказами, а правдой. И теперь Агата видела это своими глазами.

Король Ренери был по-настоящему красив. Ростом чуть выше среднего, утонченный, стройный. Довольно густые, но не слишком короткие светлые волосы обрамляли его узкое, бледное лицо.

Одежды Ренери сияли торжеством и роскошью, достойной короля: это был камзол из темной ткани, украшенный жемчугом, лёгкие бриджи и сапоги из плотной кожи с дивными резными пряжками.

И даже то, что сейчас король Ренери пребывал в страшном гневе, нисколько не омрачало его великолепия.

— У Дактеана совсем крыша поехала? Я же велел привезти мне сестру Сиэлька. — Каблуки королевских сапог застучали по тяжелому камню пола. Ренери остановился в середине комнаты и сверкнул глазами в сторону Марона. — На что я ему даю золото? Чтобы он разбрасывался им как попало? Или он забыл, что идёт война, а деньги в казне сами собой не появляются?

— Дактеан заверил меня, что и теперешняя его добыча будет нам очень полезна, — сказал Марон. — Впрочем, я ему уже высказал всё, что думаю по этому поводу.

Теперь каблуки звонко застучали частым стаккато. Ренери, едва ли обратив внимание на слова советника, судорожно размышлял о происходящем.

— Да он просто не смог сделать того, что я ему приказал, и решил меня надуть, подсунув kota в мешке, — разъяренно пробормотал король. — Сволочь. Пусть только появится здесь. Снесу ему голову и насажу её на самую длинную пику у Рубиновой скалы, пусть так и знает... Боже, ну и смрад...

Недовольно поморщившись, Ренери прикрыл ладонью нижнюю часть лица. Он посмотрел в сторону несчастных девушек, сжавшихся в комочек от одного только взгляда ясно-зелёных глаз молодого короля.

Неприятный лязг, с которым о каменный пол ударился металлический совочек, последние несколько минут не выпускаемый из рук служанкой, заставил многих вздрогнуть. Девушка быстро поняла, что привлекла к себе слишком много внимания, и испуганно замерла, вытянувшись по струнке. Агата прекрасно разделяла чувства несчастной. Когда страсти бушуют, нужно изо всех сил постараться стать невидимой, и может быть, тогда буря минует.

— Рене, — вкрадчиво произнес Марон таким спокойным тоном, будто бы даже и не замечал напряжения, искрившего в стенах комнаты. — Дактеан довольно усердно убеждал меня, что часть выданного нами золота у него на руках, и что он обязательно до конца исполнит то, чего ты от него требовал. Он просит только одного – дать ему больше времени.

Ренери фыркнул.

— Исполнит он, как же. В следующий раз он подсунет мне сундук мышей из замка Осткарда и скажет, что и они мне на что-то сгодятся. Пусть лучше на оставшиеся деньги купит себе ещё одну голову, а лучше сразу две. Может быть, хоть это заставит его не принимать поспешных решений без моего на то благоволения.

Агата подумала, что даже в раздраженном взмахе руки короля виднелась небывалая грация. Ренери прошёл мимо камина и остановился напротив трёх девушек, по-прежнему стоявших рядом и переминавшихся с ноги на ногу. Судя по выражению лиц Лизы и Анны, они были впечатлены красотой короля не меньше Агаты. Чуть нахмурившись, юноша заскользил по лицам своих пленниц придирчивым взглядом. Он посмотрел на перекошенное от усталости и страха лицо Лизы, удержал внимание на миловидной Анне, выглядевшей прекрасно даже несмотря на то, что её светлые волосы были всклокочены, а хорошенькое личико было измазано в грязи, затем посмотрел на Агату и тут же, презрительно скривив губы, уставился на служанку уже с немалым удивлением.

— А это ещё кто?

— Служанка воспитанниц леди Осткард.

Марон быстро посмотрел на Агату. В глазах его что-то блеснуло. Служанка не ошиблась, это было хорошо ей знакомое презрение.

— Ах, этот идиот ещё и служанку их прикупил? — Гнев зашелестел в голосе короля с новой силой. — А может быть, он ещё сундук с их тряпками притащил, нет?

— Он сказал, что она может знать ценную информацию, — Марон едва заметно пожал плечами. — Не думаю, что он отдал за неё много денег.

Закатив глаза, Ренери отвернулся и устало потер пальцем висок.

«Просто нет слов, — уныло подумал он. — Только так можно охарактеризовать этот вечер. А, нет, можно ещё так: сплошные идиоты и их идиотизмы».

— Тьфу ты. — Король кинул взгляд на девушек. — Какой-то фарс... Ну и что мне с ними делать?

Марон вытащил из кармана расписной шарик из металла и покрутил его в руках. Агата не знала, что это за шарик, но советник смотрел на него так, словно бы именно он должен был подсказать ему ответ для племянника.

— Не имею идей для того, чтобы предложить что-то основательное. Если мы не можем оставить их работать в замке или хотя бы получить за них выкуп, то пользы от них, конечно же, не будет.

В комнате повисло напряженное молчание. Оно, казалось, длилось непомерно долго, при этом изощренно истязало волнением. Король, сложив руки за спиной, стоял возле камина, глядя в огонь. Его гнев выдавали лишь кисти рук, с силой сомкнутые в кулаки.

Марон молчал.

— Ладно, всё, — сказал вдруг Ренери. — Марон, тебе придется самому разобраться с этой проблемой. Я слишком устал за этот отвратительный день, чтобы ещё и сейчас заниматься какой-то ерундой. — Ренери повернулся к служанке, начавшей подметать пол возле камина. — Джорджианна, вели Айсету подать мне в комнаты горячего вина. Марон, а ты не забудь распорядиться о проверке документов. Всё должно быть готово к нашему завтрашнему отъезду.

— Займусь немедленно, — пробормотал Марон, хмурясь. Его мучил какой-то неразрешимый вопрос, поняла Агата. Впрочем, советник поспешил озвучить его уже в следующее мгновение: — И всё же, Рене, я жду твоего распоряжения по поводу пленниц. Что мне с ними делать?

— Убей их, — направляясь к двери, Ренери коротко пожал плечами. — Чего мне с них?..

Лиза ахнула, Анна в бессилии опустила лицо. Агата даже не пошевелилась, но лишь от онемения, сердце её сжалось – вот и всё, конец близок.

— Хотя нет... Постой, — Ренери, на мгновение замерев на месте, вдруг развернулся и направился обратно. Остановившись возле окна, юноша присмотрелся к трём своим пленникам и задумчиво протянул: — Они же из Атернии... Атернии, славящейся прекрасными головами...

— Так и есть, — со звенящим в голосе подозрением произнес Марон.

Ренери холодно улыбнулся.

— Хм. Ну что ж, посмотрим. Возможно, всё-таки будет хоть какая-то польза от идиотской выходки Дактеана... — Король повернулся к своей служанке: — Джорджианна, пусть вино подадут сюда, пойдёшь сейчас и распорядись обо всем, и заодно пригласи-ка сюда Мартена-барда.

Время тянулось безумно медленно. Агате казалось, что её сил не хватит, чтобы ещё хотя бы минуту устоять на ногах. Запах горячего вина с пряностями, тепло каминного огня и страшное неведение сливались воедино и окутывали её душистым, плотным одеялом. Ещё мгновение – и она упадет прямо на каменный пол, завернутая в это одеяло, а потом провалится в далёкое и такое желанное небытие крепкого сна.

Агате по-прежнему было страшно, но уже не так, как раньше. Теперь её бессилие, словно маленький зверёк, ждавший своего часа, выросло, пролетело вперёд в ловком прыжке и когтями разодрало все те переживания, казавшиеся час назад непобедимыми. Этим самым рывком бессилие потупило все беспокойные мысли, немного ранее клубившиеся в голове несчастной служанки.

Наконец дубовая дверь комнаты мелко содрогнулась от короткого, но сильного стука.

По оклику короля Мартен-бард зашёл в комнату. Растерянно и, надо сказать, не без мелькнувшей, как показалось Агате, жалости, он посмотрел на пленниц, но, когда заметил короля, тотчас же склонился в почтительном приветствии.

Мартен был пожилым мужчиной – невысоким, но крепким. Его короткие волосы были вымыты и причесаны и были такими же седыми, как и аккуратная борода эспаньолка, покрывающая крепкий подбородок. Одет Мартен был в классический наряд бардов королевства Нортон: мягкие одежды, расшитые цветными нитями и отороченные бахромой.

Бард кивнул юному Ренери и, уловив повелительный взмах руки короля, прошёл в комнату. Струны его лютни, украшенной белыми лентами, чуть звенели при каждом шаге музыканта. Оставив лютню на кровати, Мартен схватился за низкий скрипучий сундук, стоящий в углу, и подвинул его ближе к камину. Забрав лютню, бард устроился на своем месте, ожидая слова короля.

— Испытание состоит в следующем, — коснувшись губами кубка, отозвался Ренери. — Каждая из вас споёт мне песню. Любую, на свой вкус. Из свитков музыкального достояния Нортон или Атернии, конечно. Та, чью песню я выслушаю до конца, получит награду: я исполню одно её осуществимое желание. Осуществимое, повторяю. То есть не стоит просить меня проиграть войну или взять одну из вас в жёны. Не пройдёт.

— А если ваш бард не знает песни, которую мы захотим спеть? — тихонько спросила Анна.

— Мой бард? — переспросил Ренери, чуть выгибая бровь. Он усмехнулся. — Если хотя бы одна из вас назовёт песню, которую Мартен не знает, клянусь, я исполню все три её желания.

Агата не усомнилась ни на секунду: если король Ренери так говорит, значит, барду наверняка известны все песни из свитка музыкального достояния двух воюющих ныне государств. Ну, тогда можно и не пытаться вспомнить менее известную песню – всё равно выскрести её слова из закоулков усталого разума вряд ли получится. А ещё это значит, что можно забыть обо всём на свете и исполнить одну из своих любимых песен. Если ей, Агате, конечно, вообще дадут такую возможность.

Ренери чуть склонил голову, глядя на Лизу, потом на Анну.

— В Нортоне уже давно ходят слухи о том, что воспитанницы леди Осткард великолепно поют, — Ренери скользнул равнодушным взглядом по Агате. — А ещё я знаю, что в Атернии чуть ли не каждый второй владеет искусным умением петь, так что сегодня шанс попробовать будет у всех.

Вот и решилось. Агата тихонько и даже радостно выдохнула. Она будет петь!

Услышав слова короля Нортон, Лиза фыркнула, а Анна презрительно усмехнулась. Их реакция была понятной – воспитанницы леди Осткард знали, что Агата ужасно поёт, и что для окружающих уж наверняка станет мукой её слушать.

Опустив лицо, Агата почувствовала, как краснеет. Она и сама прекрасно знала, что не умеет петь. Пусть даже она любила музыку всем сердцем и жила ею, пусть она обожала петь, но...

Конечно, её старания ничего не изменят, однако даже если она пропоёт сегодня ночью хотя бы одну строчку своей любимой песни – она будет счастлива. Потому что вскоре ей грозит смерть.

Так что пусть даже одну строчку, одно слово, но она вложит в эту песню всю свою душу, впрочем, так она делала это каждый раз, когда пела.

— Мартен? Ты готов? — Легкий кивок барда позволил Ренери довольно улыбнуться. — Тогда начнём.

Юный король сделал глоток сладкого вина и кивком головы указал на Лизу.

— Ты первая.

Лиза с самым напряженным видом переглянулась с сестрой, кивнула ей, затем громко прочистила горло, сделала несколько глубоких вдохов и старательно выравнивала дыхание. Сейчас старшая воспитанница леди Осткард выглядела так, словно собиралась одна-одинёшенька по меньшей мере штурмом брать замок короля Нортон.

Спесиво задрав носик, Лиза снисходительно посмотрела на седовласого барда, по-прежнему тихонько и ненавязчивого перебирающего струны лютни, и сказала:

— «На терниях цветы», пожалуйста.

Мартен сразу же кивнул.

— С удовольствием, — отозвался он, и Агата заметила, как скисло лицо Лизы, а за ней и лицо Анны. «На терниях цветы» была весьма редкой песней в репертуаре музыкантов, и даже почти забытой у публики.

Бард коснулся струн, и служанка почувствовала, как её душу охватил сладкий трепет, такой воздушный и невесомый, словно бы он был пёрышком синицы.

Как же красиво Мартен-бард играл на лютне! Агата вдохновенно закрыла глаза. Мелодия выбранной Лизой песни показалась девушке виноградной лозой, вьющейся по изящной шпалере под теплым солнцем... Вот это да! И пусть Агата уже много раз слышала эту композицию и частенько с любовью исполняла её сама – сейчас, в руках Мартена-барда, это произведение стало как никогда живым.

Агата была искренне рада, что перед смертью ей удастся насладиться хотя бы несколькими мгновениями такой красоты.

В саду том сумеречном, тихом

Сплотились тернии с цветами в колосок...

Лиза пела изумительно. Каким бы скверным ни был характер у этой девушки, несомненный музыкальный талант, тонкий слух и великолепный голос были теми атрибутами старшей воспитанницы леди Осткард, которые её воистину красили.

Нет-нет, это правда. Маленькое сердечко Агаты всегда замирало от восторга, когда воспитанницы леди Осткард пели или играли на музыкальных инструментах. И эти минуты не были исключением. Служанка бы и дальше с наслаждением слушала залиvistое и прекрасное пение Лизы, чей высокий и сильный голос, словно серебряный ручеек, всё больше и больше заполнял комнату, но...

Король Ренери отчего-то не разделял мнения Агаты. Девушка догадывалась, что уж явно не потому, что Лиза пела некрасиво или петь не умела.

И это правда – Ренери и сам прекрасно слышал, что Лиза пела восхитительно и умело. Она полностью попадала в ноты, чисто интонировала голосом, пела звонко, без малейшего сипа. Она пела лучше, чем большинство из тех девушек, которых когда-либо Ренери слышал, и да, это завораживало и восхищало, только всё это ему до смерти надоело.

Восхищение продлилось ровно двадцать пять секунд, после чего король недовольно махнул рукой. Всё это уже было, и всё это не то.

Бард тут же перестал играть на лютне. Анна вздрогнула, Агата с разочарованием взглянула на короля, а Лиза, едва-едва держа рот на замке, была просто готова взорваться от возмущения.

— Следующая.

Лёгкий кивок головы короля неожиданно заставил младшую сестру Лизы в полной мере осознать свою теперешнюю значимость.

Анна воодушевленно вскинула своё бледное, словно фарфоровое, личико, и её умные серые глаза сразу заблестели энтузиазмом. Она была даже отчасти рада тому, что пение Лизы не привлекло внимания короля Ренери. Ведь теперь у неё есть шанс попробовать свои силы, доказать себе и, может быть, всему миру, что она поёт не хуже, а, может, даже лучше старшей сестры. Лиза всегда пела достойнее всех, кого слышала Анна, старшая из сестер Нэтт славилась на всю Атернию своим колоратурным сопрано. Анна же обладала всего лишь сопрано лирическим, но хотя бы пыталась сделать свои песни живыми – не просто красивыми, но заставляющими трепетать душу слушателя. И если у Анны это получалось очень слабо, то у Лизы не было даже малейшего умения одухотворять свой вокал.

Бард заиграл очередную песню. И снова, едва лишь Агата погрузилась в чарующие объятия мелодии, соскальзывающей со струн лютни Мартена, и в чудесное пение Анны, как король Ренери снова взмахнул тонкой кистью руки, велая перестать играть. На этот раз песня продлилась чуть дольше. И всё же Ренери хватило лишь одного куплета, чтобы понять, что это совсем не то, что ему нужно. Юный король всеми силами вслушивался в пение Анны, пытаясь в нём что-то ухватить, но нет, нет – ничего.

Тягучее разочарование как ядовитое зелье старой знахарки заполнило душу короля, и он, так ничего и не уловив, с досадой прервал пение девушки.

Анна замерла с застрявшими в горле словами песни, она всё смотрела на Ренери, осознавая, что всё кончено, и что всякая надуманная ею собственная значимость развеялась вдруг, словно песок, закрутившийся в порывах ветра.

Воодушевление в глазах Анны сменилось острой растерянностью, почти отчаянием. Она не посмела возразить и слова, но почувствовала, как внутри неё переплелись в клубок две блестящие змеи – ядовитые и страшные – обида и гнев.

— Теперь ты, — бросил Ренери Агате.

Лиза усмехнулась, покачав головой.

— Простите, Ваше Величество, но вам этого лучше не слышать. Эта оборванка не умеет петь и никогда не умела.

— Если ещё раз решишь начать молоть языком без разрешения, я прикажу зашить тебе рот, — равнодушно сообщил Ренери.

Лицо Лизы вдруг почти неестественно вытянулось, глаза округлились. Для своего же спокойствия девушка даже прикрыла рот руками – вдруг ненароком слово вырвется.

Тем не менее Лиза была права. Агата не умела петь. Да, ей очень хотелось пропеть хотя бы строчку любимой песни, но сейчас это желание показалось Агате губительным. Служанка посмотрела на огонь, тихо вздохнула и горько прошептала:

— Простите, Ваше Величество, — девушка опустила взгляд, смущение заставило её голос дрогнуть, — но я и правда не умею петь.

Ренери подавил раздражение. Ему хотелось вспылить, но он взял себя в руки. Пусть уж этот тоскливый вечер хотя бы достойно закончится.

— То есть ты отказываешься от участия в испытании, и я могу его завершать? — спросил король, бряцая перстнем о край расписного кубка. Терпкое, душистое вино, алеющее в нём, уже остыло и едва ли горячило кровь.

Король кинул скучающий взгляд на служанку, на её взволнованное лицо, перепачканное в грязи и пыли. Невзрачное лицо самой обычной девушки. Грязной оборванки, прислуги с едва отросшими волосами на обритой голове, с царапинами и ссадинами на физиономии, с истёртыми от долгой работы руками. Болезненно худой босячки в ветхом холщовом платье –

смадном и пропыленном. Когда Ренери смотрел на эту жалкую лохмотницу, он чувствовал лишь отвращение. Его даже подташнивало, так неприятно она выглядела.

— Ну?! — рявкнул юноша.

Агата вскинула лицо, испуганно глядя на короля.

— Нет-нет, — пролепетала она взволнованно. — Нет... Я не отказываюсь... Ни в коем случае... Просто боюсь, что вы будете неприятно удивлены...

Ренери раздраженно поджал губы. Прищулив глаза, он смерил служанку презрительным взглядом.

— Это не твоя забота. Называй песню.

Агата повернулась к барду. Седовласый Мартен смотрел на девушку со всем возможным для него сочувствием, он даже тихонько улыбнулся ей. Сердце его болело о несчастной девочке. Чего скрывать, Мартену-барду стало жаль Агату точно так же, как её уже однажды стало жаль разбойнице Шианне, оставившей девушке жизнь.

— Милорд, сыграйте мне, пожалуйста, «Лук, меч и стрелы».

— А-а-а, — протянул Мартен. — Тамика-бард... Люблю её песни.

Бард улыбнулся. Агата стала единственной из всех трёх девушек, кто выбрал не классическую композицию, а песню странствующего барда.

Мартен легонько ударил по струнам, совершив мелодичный перебор, чуть задумался и наконец спросил:

— Знаешь, как вступить?

— Нет, милорд.

Агата отвела наполненный печалью взгляд. Мартен покивал:

— Ничего-ничего, я немного помогу тебе. Ты начинай, а я поймаю музыкой твои слова... Готова?

Агата взволнованно кивнула. Улыбка коснулась её сухих, искусанных губ. Мартен легонько тронул пальцем одну из струн своей лютни, давая знак Агате начинать.

И вот свершилось. Девушка запела. И не просто запела, а с ошеломляющим вдохновением, тем самым, что полупрозрачной толщей мгновенно огородило её от любых очертаний ужаса, снедающего служанку последние несколько часов.

Прекрасная музыка Мартена-барда подхватила слова Агаты... И всё, всё – секунда, ещё одно лишь мгновение, и сердце служанки полностью расцвело, словно бы оно было бутонем, так крепко прижавшим свои нежные лепестки друг к другу в начале темной и холодной ночи, а теперь наконец дождавшимся бархатного сияния утра.

Таково было сердце несчастной служанки, ведь она впервые в жизни пела под музыку, которую играли специально для неё. И как же хорошо играл на своей лютне этот добрый бард!

Там вереск цвёл, и ветер пел,

Искала хвоя света,

Там дуб ветвями зеленел,

И птицы ждали лета...

Агата пела, и душа её танцевала в неистовой радости. Она молила Господа, чтобы эти – пусть даже последние – мгновения её жизни, посвящённые её возлюбленной музыке и вдохновенному пению, длились подольше.

Агата пела. И в этой песне была вся она.

Но как бы сильна ни была отдача Агаты, пела она совсем неумело, а по мнению напыщенных знатоков, и вовсе ужасно. Именно поэтому, как только Агата запела, Лиза с отвращением скривила лицо, а Анна с неприязнью отвернулась.

Король Ренери брезгливо поджал губы. Возмущенно качая головой, он уже развернулся к Мартену-барду, собираясь махнуть ему, чтобы тот остановился, но так и замер на месте с поднятой в воздухе рукой. Он что-то слышал, и не просто слышал – видел.

*Там звери дикие метались
Днями напролёт,
И воины тёмные сражались,
С польнёю пили мёд...*

Мартен-бард вопросительно посмотрел на своего короля, готовясь прекратить играть, но Ренери вдруг подал ему знак продолжать дальше. Юноша нахмурился, сложил руки на груди и теперь со всем вниманием наблюдал за Агатой.

Девушка же полностью погрузилась в мелодичные сплетения нот, в великолепные слова такой любимой ею песни. Она уже, кажется, позабыла, что находится в плену в замке северного короля, и что ей грозит скорая смерть.

Агата пела, чуть прикрыв глаза, она наслаждалась музыкой. Да, она пела совсем неумело. Но она пела сердцем.

Музыка её завораживала, и поэтому она не могла сдерживать плавных движений рук, которые служанка то раскидывала в стороны, то прижимала к сердцу. Агата будто бы со всем вниманием и любовью рассказывала всем желающим свою любимую балладу. И рассказывала её так, словно бы эта баллада была самой ценной историей в её жизни.

Ренери на мгновение подумал, что сошел с ума.

Это просто невозможно. Он ещё никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так пел.

Да, эта оборванка совсем бездарна. Тут и скрывать нечего. Её неумение петь и практически всякое отсутствие таланта не могло заставить ни одного хоть мало-мальски воспитанного ценителя музыки выдержать хотя бы куплет подобного пения и не поморщиться от недовольства. Но дело было не в академически поставленном голосе, не в правильном интонировании, тем паче, попадании в ноты...

Дело было в том, как Агата пела без всего этого. Она действительно пела сердцем. Любя музыку, песню, слова песни, инструмент... Весь мир. Она жила этим. Ренери не мог поверить, что он слышит то, чего жаждал услышать так давно.

*Где лук мой? Где стрелы? Где меч мой сверкающий?
Где ты, мой защитник, огонь полыхающий?
Как много без вас мне придется пройти?
И как мне без вас друга сердца спасти?..*

Музыка лилась – такая прекрасная, завораживающая. И Агата пела со слезами на глазах, с отдачей, так вдохновенно, что Ренери не мог отвлечься даже на секунду. Ему уже казалось, что он сам не помнит, где он находится и что сейчас происходит.

Вложив всю душу, Агата с вдохновением пропела последние слова песни и робко сложила руки на груди, опустив голову. Мартен-бард закончил играть. Струны его лютни замолкли, и в комнате воцарилась гнетущая тишина.

Агата ещё даже не осознала то, что она прошла испытание. Впрочем, девушка ведь и не верила в то, что подобное возможно, и по-прежнему думала о том, что вскоре настанет её конец. Сейчас её расстраивало только то, что её последняя в жизни песня закончилась, а её так не хотелось отпускать.

Король вдруг развернулся и направился к камину. Остановившись возле него, он задумчиво уставился на огонь. Он думал о том, что сейчас видел. Вспоминал лицо Агаты, счастье

и скорбь на её лице, её плавные движения. Её радость, её горе. Её наслаждение музыкой и словами песни.

Лиза, уже давно осознавшая, что Ренери не остановил пение Агаты, рассматривала короля с неподдельным удивлением. В любой другой момент она бы подумала, что Ренери таким образом унизил её и её сестру, дав не умеющей петь служанке закончить её отвратительные завывания, но не сейчас.

Лиза, как и её сестра, видела, как Ренери слушал Агату. Обе воспитанницы леди Осткард сразу заметили несказанное ошеломление на красивом лице короля, которое дало им понять, что что-то в пении служанки его поразило. Лиза не могла ничего подумать кроме того, что Ренери просто ненормальный. Её сестра Анна разделяла мысли сестры, однако же, впервые в своей жизни дослушав песню Агаты до конца, она подумала, что у служанки, пусть она и совсем отвратительно поёт, поистине прекрасно получается сделать песню живой. Интересно, как? Анна добивалась этого очень много времени, но успеха так и не достигла.

— Ваше Величество....

Король Ренери по-прежнему безмолвно взирал на огонь. Всё это удивительно и очень интересно. Теперь он не мог и на секунду допустить мысль, что не будет слышать песен в исполнении этой девчонки. И не будет видеть того, как она поёт... Нет-нет, ему это нужно, потому что он уже очень давно искал такое пение. А значит, именно поэтому он не может отпустить её. Даже если она этого попросит.

— Ваше Величество, — прочистив горло, произнёс бард. — Песня спета...

— Что? — всё ещё глядя в огонь, нахмурился Ренери. — Ах, да...

Юноша развернулся и направился обратно к девушкам. Агата вдруг разом осознала, что она прошла испытание, и удивленно замерла, не веря происходящему.

— Как твоё имя? — спросил Ренери, обращаясь к служанке.

Девушка испуганно посмотрела на короля в ответ.

— Агата, Ваше Величество.

— Агата, — словно пробуя имя на вкус, произнес Ренери.

Он хмурился, казался чересчур задумчивым, даже мрачным. Некоторое время в комнате царил молчание, прерываемое лишь треском горящих в камине поленьев и грохотом тягучих громовых раскатов за окном.

Юноша сложил руки на груди и чуть склонил голову. Он смотрел на Агату, изучая её. Его интерес, казалось бы, носил даже некий научный характер.

— Что ж, Агата, — наконец произнес Ренери. — Ты исполнила песню, и я дослушал её до конца. Это значит, что ты прошла испытание, и теперь ты можешь просить у меня исполнить одно твоё желание. Я исполню его, но с условием.

— Условием? — испуганно переспросила Агата.

— Именно, — подтвердил король. — Я исполню твоё желание, только если ты навсегда останешься у меня в плену и будешь петь мне всегда, когда я тебя попрошу об этом.

Глава 4

Всё замерло, стихло, потерялось. Агате показалось, что её маленькое сердечко, которое с такой неистовой силой колотилось в груди, вдруг замолкло и остановилось. Служанка почувствовала, как онемели её тонкие пальцы, и как пересохло во рту.

«Я больше никогда не увижу отца, — подумала она. — Никогда так и не узнаю, что такое свобода. Я буду петь... Но что за жизнь будет ждать меня здесь? Не те ли горести и скорби, что мучили меня под властью леди Осткард?»

— Итак? — поторопил Ренери.

— Разве у меня есть выбор? — выпалила служанка и тут же пожалела – не слишком ли она дерзка? Тем не менее юноша лишь усмехнулся.

— Нет, выбора у тебя нет, — ответил он. Грациозно поведя плечом, он добавил: — Хотя... Это как посмотреть. Ты можешь отказаться от всей этой затеи, и я казню тебя вместе с другими пленницами.

Агата вздрогнула и тут же покачала головой. Нет, ни за что! Она выбирает жизнь, как бы там ни было.

Служанка коротко посмотрела в сторону Лизы и Анны, и сердце её сжалось – обе выглядели так несчастно, как никогда. Девушки молчали, не в силах произнести и слова.

— Хорошо, Ваше Величество, я согласна на ваше условие.

— Тем лучше – меньше грязной работы, — Ренери чуть склонил голову к плечу, пристальнее вглядываясь в лицо служанки. — Ну а теперь, если мы всё решили, тогда скажи мне, чего же хочешь ты, Агата?

Служанка опустила голову и на мгновение закрыла глаза.

Перед ней расстилались тысячи возможностей. Она не могла попросить о том, чего желала больше всего – не могла просить о свободе, но король Ренери мог подарить ей новую жизнь. Он мог, к примеру, даровать ей титул, подарить сундук золота, содержимое которого служанка могла потратить на осуществление тысячи дел и обретение тысячи возможностей. Она могла просить дать ей возможность побыть на море или научиться воинскому искусству: сражаться на мечях или стрелять из лука. Она могла бы совершить путешествие в любую точку мира, попросить устроить её жизнь безбедно и счастливо, впредь не боясь, что кто-то хоть раз в жизни сможет причинить ей боль... Но нет.

Агата выдохнула и, подняв взгляд на короля, ответила ему:

— Прошу вас, Ваше Величество, велите доставить воспитанниц леди Осткард домой в полном здравии и сохранности.

Повернувшись к служанке, Ренери не стал скрывать ошеломления.

— Прости, что?.. — переспросил король таким тоном, словно бы он действительно не расслышал того, что сказала ему Агата.

Служанка мигом опустила лицо.

— Это моё желание, Ваше Величество, — тихо произнесла она. — Пусть девочек отвезут домой.

— Агата... — поражённо выдохнула Анна.

Она повернулась к служанке, и та печально улыбнулась ей в ответ.

Через мгновение Агата, взволнованная и едва держащаяся на ногах от слабости, снова посмотрела на Ренери. Тот молча наблюдал за ней, и девушка вдруг почувствовала, как стремительно краснеет.

— Ты серьёзно?

Ренери вопросительно изогнул бровь. Агата кивнула.

— Абсолютно, Ваше Величество. Разве это желание является невыполнимым?..

— Дело совсем не в этом. — Король фыркнул и чуть прищурился, глядя на Агату. — Меня просто кое-что заинтересовало: скажи мне, девчонка, эти две... шестёрки Изабеллы Осткард когда-нибудь били тебя?

Агата опустила взгляд. Внутри всё стянуло от жгучей тоски.

— Да.

— Унижали?

— Да.

Ренери холодно хмыкнул.

— И ведь наверняка издевались?

— Да, Ваше Величество, — тихо ответила Агата.

Снаружи снова гроыхнуло, и служанка посмотрела в окно. Там бушевало море, и ветер, завывая, волновал шелестящие зелёные кроны могучих деревьев. Вдруг всё вокруг показалось Агате донельзя несущественным, маленьким. Ничтожным даже. Что все эти минуты и события, творящиеся здесь, по сравнению с вечным ветром, который останется на этой земле, когда их уже не будет? С этими деревьями и скалами, которые их переживут?..

— И сейчас ты хочешь сказать мне, что из всего возможного, о чем ты можешь меня попросить, ты просишь отпустить этих двух девок и благополучно доставить их домой? — спросил король Ренери, словно и правда не верил тому, что Агата просит его сделать.

— Да, — очень надеясь, что это был последний вопрос, ответила Агата.

Юноша снова хмыкнул. Одним махом допил вино и швырнул кубок на столик. Резко повернувшись к Агате, он испытующе посмотрел на неё.

— Ты же можешь попросить у меня все, чего только пожелаешь, девчонка, — словно объясняя что-то очевидное неразумному ребенку, процедил Ренери. — Избить их, обрить, подарить им столько плетей, сколько хочешь...

— Прошу вас, Ваше Величество...

Агата закрыла глаза и отвернулась.

— Ладно, плевать на них, — взмахнул руками Ренери. — Но ты же можешь попросить у меня... Пф, золота, мешок золота, два, три... Собственное поместье. Титул, в конце концов. Да всё что угодно! А ты просишь меня их спасти?..

Агата снова кивнула.

— Да, ваше величество.

— Ты уверена в своём решении?

— Абсолютно.

Ренери помолчал. Положил руку на лоб, недоуменно качнул головой и наконец произнес то, что Агата уже давно мечтала услышать:

— Хорошо. Будь по-твоему.

Девушка выдохнула с огромным облегчением. Сдержать улыбку ей так и не удалось.

— Благодарю вас, Ваше Величество.

Ренери коротко пожал плечами, повернулся к высокому окну и посмотрел в сторону бушующего моря.

— Ты либо слишком добрая, либо сумасшедшая. Стража!

— Мне не нужны твои подачки, рвань, ты слышишь?! — рявкнула Лиза. — Не нужны!

Напыщенная и наглая, снова отчего-то почувствовавшая себя хозяйкой положения, старшая воспитанница Изабеллы Осткард неожиданно впала в такую сильную ярость, что Агате стало даже удивительно, отчего из её глаз не полетели молнии.

Служанка сжалась. Опустила голову и зажмурилась так сильно, что перед её глазами побежали круги. Привычный страх вот так просто снова достал её одним махом.

— Лиза, успокойся. Замолчи, — забеспокоилась Анна.

Она попыталась взять сестру за руку, но та лишь гневно вырвала ладонь из её пальцев и уставилась на сестру.

— Ах, и ты ещё теперь будешь покрывать эту мерзавку!

Анна опустила голову подобно Агате, не в силах терпеть гневное давление сестры. Однако королю Ренери вся эта сцена была ни к чему.

— Я тебя, кажется, предупреждал, — обратился он к Лизе.

Расслышав вполне основательную угрозу в голосе короля, Лиза поубавила пыл. Теперь она, тяжело дыша, просто лишь молча открывала и закрывала рот в бесполезных попытках продолжить свою тираду.

За дверью послышались шаги, и через секунду в комнату ввалился широкоплечий стражник в кольчуге и остроконечном шлеме, в руках он держал наточенную алебарду.

— Равел, отведи этих двух девок к Марону, пусть запрет их где-нибудь на ближайший час, — Ренери указал на Лизу и Анну. — А сам пусть пока распорядится подготовить им экипаж с охраной. Я приду через полчаса и объясню ему всё.

Остроконечный шлем Равела на мгновение склонился, после этого стражник молча двинулся к пленницам короля.

— Агата! — Анна взволнованно схватила служанку за руку. Глаза младшей воспитанницы леди Осткард казались огромными серыми блюдцами. Анну переполняли слова, душили эмоции, но времени не было. Стражник уже подтолкнул к выходу Лизу и был готов проделать то же самое и с ней. — Агата, прошу тебя... Прости меня... Я не забуду этого, слышишь? Я не забуду твоей доброты... Благодарю тебя! От всего сердца, Агата, благодарю!.. Скажи, что я могу сделать для тебя?

Сострадание силком захватило в плен сердце Агаты, она распахнула глаза, и горячие слёзы полились по её щекам. Анна, та самая Анна, которая ненавидела её столько времени, теперь благодарила её за доброту и просила прощения – у неё, Агаты, у служанки, терпевшей столько лет издевательства двух сестёр Нэтт, – и в этот миг это событие дало почувствовать терпкое умиротворение. Агата вдруг поняла, что её жизнь и вправду больше никогда не будет прежней.

— Передай лорду Осткарду... — прошептала служанка. — Передай ему, что я жива...

— Я передам, — кивнула Анна. — Обязательно передам.

Её голос дрогнул. Большого она сказать не успела. Стражник коснулся плеча Анны, и уже через четверть минуты воспитанниц леди Осткард навсегда вывели из комнаты, где им в этот страшный день едва-едва не вынесли смертный приговор. Большая дубовая дверь захлопнулась за Равелом, оставив Агату наедине с королём Нортон. Тишина в тёмной комнате длилась не так долго. Ренери прикрыл глаза и повернулся к Агате. Сердце девушки сжалось, обожжённое страхом.

Ступни, казалось, заledenели в вымокших ботинках, в висках пульсировало, ссадины на локтях отрывисто саднили.

— Прошу.

Король указал Агате на кресло у камина, украшенное богатой резьбой – узоры мелкие, кручёные, витиеватые тянулись по подлокотникам и спинке, терялись под мягкой обивкой.

Девушка опустила тяжелые веки, и тень от её ресниц рассыпалась бахромой по щекам. Кивнув, она, едва-едва передвигая ногами, проскользнула мимо Ренери. Ей вдруг показалось, что она идёт по тонкой ниточке, натянутой меж двух стен, и если вдруг сейчас сделает один неправильный шаг, то всё, прощай – разом упадет в пропасть. Но нет, нет. Она осторожна и легка, пусть даже у неё теперь совсем нет сил. Девушка опустилась в кресло и на несколько сладких мгновений закрыла глаза. Кажется, она ещё никогда не чувствовала такого облегчения, и вправду способного вызвать у неё слёзы. Тепло, необъятное и нежное, ненавязчиво охватило

тело и упругими волнами уволокло куда-то к упоительному сонному мареву, почти забвению. И приятнее этого тепла было лишь расслабление.

Как приятна была мягкость этого высокого кресла, расшитого цветочными узорами. Каким невероятным, даже волшебным теперь казался трепещущий у закоптелых камней огонь, да и выющиеся в кольцах пламени искры. А запах цветов, специй и пряного вина! Словно бы и воздух в этом замке был исцеляющим. Словно бы он и вправду давал силы. Это были минуты глубокого отдохновения. Агата устала так, словно бы много дней замерзшая и босая ходила в лесу. А по ощущениям – было именно так.

Девушка открыла глаза. Комнату вот уже как три минуты назад покинули все, кроме самого Ренери и, собственно, её самой. Помедлив немного, юный король, отныне более усталый и серьёзный, прошел к камину и опустился в кресло напротив Агаты. Юноша поднял узкое лицо, светлые волосы мягко колыхнулись. Агату объял трепет. Король смотрел на неё, и взгляд его был подобен стреле.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, Ваше Величество.

Ренери удивленно вскинул брови. Ему казалось, что девчонка младше. Пользуясь мгновением, юноша получше рассмотрел исхудавшую, выпачканную в грязи с головы до ног служанку, кажущуюся прозрачной тенью в этом старинном кресле из массива южной вишни. Бледная кожа, россыпь веснушек-крапинок на скулах и переносице, почти под корень остриженные красно-рыжие волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.